

КОМНАТЫ СЧАСТЬЯ

Сборник стихотворений Владимира Таблера

Издатели:

Общественная организация «Dzejnieku klubs Stihī.lv»

(Рига, Латвия)

и Издательство «АураИнфо»

(Санкт-Петербург, Россия)

Литературная серия «КНИЖНАЯ ПОЛКА ПОЭТА»

Руководитель проекта:

Евгений Орлов

Обложка:

Нильс Хальгерсон

Макет и оформление:

Татьяна Громова

В оформлении обложки

использована картина Михаила Юдовского

Поэтический сборник Владимира Таблера «Комнаты счастья» продолжает серию «Книжная полка поэта». В сборник вошли стихотворения и циклы из книги «Когда оглянешься», составленной самим автором, а также не вошедшие в нее произведения. Владимир Таблер — один из самых интересных и самобытных русских поэтов начала XXI века. Жил и творил в Каунасе (Литва). В 2012 году на портале Stihī.lv была учреждена Международная литературная премия имени Владимира Таблера.

Сборник «Комнаты счастья» является подарочным изданием и не предназначен для коммерческого распространения.

© Владимир Таблер

© Нильс Хальгерсон – обложка серии

© Татьяна Громова – макет и оформление

© Яна Симеонова – рисунок на стр. 4

© Евгений Орлов – печатная версия и литературная серия

ВЛАДИМИР ТАБЛЕР

КОМНАТЫ СЧАСТЬЯ

СТИХИ

Памяти мамы и отца

Обыкновенное чудо Вовы Таблера

писать о настоящей поэзии сложно (ну вот, уже глупость написал: «настоящая поэзия»... а какая она еще может быть, поэзия? ненастоящая? игрушечная?)

исправляюсь

писать о поэзии сложно

это дело для избранных, тех, кто знает, какой она должна быть, та самая поэзия

мне кажется, Таблер не знает, какой она должна быть

я не представляю себе Таблера, сидящего за широким письменным столом с литературным арифмометром в руках: аавв, авва, авав, гггг, дддд, тыр, пыр, дыр, бул, шир...

или Таблера, высчитывающего слоги

или Таблера, перелистывающего словарь в поисках нужного, ох как рифмующегося слова

я не представляю себе Таблера, стихи пишущего

не писать стихи и в то же самое время стихи писать могут немногие

имя им – поэты

мне кажется, Таблер – поэт (ну вот, опять написал глупость: «кажется»... словно кто-то, кроме меня самого, может определить для меня самого, кого мне называть поэтом, кого не называть)

хотя, вообще, не это все (поэт – не поэт) в
нашем разговоре главное
писать стихи и в то же время не писать стихи
могут немногие
когда-то (давно) я вывел для себя формулу
обыкновенного чуда...
в ней фигурируют несколько неизвестных
назовем их икс, игрек и зет
хотите, поделюсь?
приготовились?
тогда слушайте: нет такой формулы
неизвестные – есть, а формулы – нет
возможно, поэзия (настоящая, не игрушеч-
ная) – то же самое
чудо – есть, а формулы – нет
или Таблер ее все-таки знает?
(вот тут, в этом самом месте, хорошо было
бы процитировать что-нибудь из Таблера, на-
пример... или вот это... или вот еще...
когда пишешь о поэзии, всегда надо что-то
цитировать, выдирать из автора какие-то строч-
ки, подтверждая ими только что сказанное...)
хорошо
я согласен – процитировать, подтвердить
перелистните страницу
там, за ней, подтверждение...

евгений орлов

ПО КОНЧИКАМ ВЕРБ

* * *

Голоса за дверью – мама, папа, сестры.
Детство. Я проснулся. Слюнка натекла...
Вспомню – будто возвращусь на укромный остров.
Там тепло. До смерти хватит мне тепла.

Яблоки с айвою, с ноткою тумана –
запах. Так, наверное, должен пахнуть рай...
Принеси мне яблочко, мама... мама... мама...
Посиди со мною.
И не умирай.

Многое известно мне – что, кому и сколько.
Я до дней сегодняшних пролистал судьбу.
А тем утром мне светло. И немножко больно.
Словно бы до крови прикусил губу.

2003

Март

Лес еще молчит и спит.
Но учуй – в полянах чистых
марта, слабый в первых числах,
испаряющийся спирт.
Сок уже толкнулся вверх
по древесным по волокнам,
В небе ясно – лишь волОк там
легких облачных помех.
Скоро – гибкие ростки,
выброс их мгновенный, зримый,
скоро – крик любви звериной,
птичьи зовы и свистки.
И в тебе самом, дружок,
человек слегка разумный,
зазвучат синичий зуммер
или ангела рожок...
То есть, ты не умер – жив,
воздух густ и наст проломлен,
март, как истина, промолвлен
и влечет, как миражи...
То есть все-таки весна
в сферах внутренних и внешних...
Хмель воздушных токов вешних...
Хорошо-то, мать честна!

1979/2007

* * *

Весна наступила!

Растаяло зло.

Мы вырвались, выжили, нам повезло!

Забилось, запело, завыло вокруг,
заворковало. Мы поняли звук.

И твари земные, и божьи рабы,
услышали зовы весенней трубы!

И вняли, узнали и приняли знак
для вешних, для вечных, для брачных атак.

Рванулись друг к другу сквозь бред и репье
Венерино зеркальце, Марса копье.

И – шерстью по шерсти, по перышкам – пух,
и – скрещены шеи, и – выдохнут дух.

И – бегом оленьим, и – страстью горбуш,
всей силою плоти, всей волею душ.

– Люблю! – шепчет в поле убогий инсект.

– Люблю! – разливается в просеках свет.

– Люблю! – воет волк и роняет слюну,
впиваясь клыками в густую луну.

И мы с тобой тоже, обнявшись, плывем,
вращаясь, как щепочки за кораблем...

По ложам измятым, над ложью и ржой
по мяте, сливаясь душою с душой...

По жилкам, ложбинкам, по родинкам всем.

Как раньше я жил-то, и был-то я чем?

Под пение птичьих альтов и виол –
по бархату десен, холмам альвеол.

По крови, раздевшись до самых сердец.
Над прахом империй и злых королевств.
И – сердцем по сердцу,
и – нервом о нерв,
по свету, по ветру, по кончикам верб...

Омытые потом, как росами, мы
рассветами синими, розовыми,
лежим утомленные счастьем своим...

Красивого сына мы скоро родим.

2003

Прощеное воскресенье

Я виноват. Я что-то повредил.
Своим телодвиженьем неуклюжим
я что-то поломал или нарушил –
баланс, ранжир, соотношенье сил.
Я виноват в убийстве муравьев.
Из-за несоразмерности огромной
я их давлю с привычкой многотонной,
не замечая гибнущих миров.
Я виноват, что даже запятой
передаю волненье по цепочке,
которое в определенной точке
становится конкретной бедой.
Я виноват. Я виноват. Я виноват
в том, что кого-то мог спасти от стаи,
но, испугавшись, спрятался за ставни...
Как твои руки, братец мой Пилат?
Я виноват как индивид. Еще
я виноват как представитель вида,
что этим видом столькое убито,
что вряд ли будет этот вид прощен.
Я виноват и сто, и сотни крат
в том, что убог, труслив, несовершенен.
Еще до совершения движенья
я знаю, что в нем буду виноват.

Простите – таково уж естество, –
кого уже, кого еще уважу –
обижу, оттолкну или измажу,

убью нечаянно, не ощутив того.
Господь, что ты затеял надо мной?
Зачем в вину уводишь, словно в топи?
Скажи, Господь, коль я – твое подобье,
то как ты сам-то с этакой виной?
Не отвечай. Я для ответа мал.
И с каждым мигом жизни убываю.
Прости меня! Молю и уповаю,
чтоб ты на мой вопрос не отвечал.

2003

* * *

Зое

Ты не корми меня этой лапшой –
«Еще повезет» и про «небо в алмазах».
Я все понимаю. Я мальчик большой.
Я самая грустная лошадь в пампасах.
Где-то какие-то звездочки есть,
Но, в основном, все бетонно и серо –
гири, безмены, стандарты и меры.
И не прорваться. И не перелезть.
Воли чужие, чужая корысть
Крутят меня в этом маетном круге.
Дергают нитки умелые руки.
Не оторваться...
Не перегрызть...
Или не лошадь –
Плешивый койот?
Птица линиялая с гузкой обвислой...
Знаешь сама ведь, что не повезет.
Бобик издох – и вся аста ла виста...
Надо с добычей тащиться в нору.
Надо кидать в эти клювы личинки.
Кран починить...
Сапоги из починки...
Я починю...
Забегу...
Заберу...

Но про лапшу –
так не будет лапши...

Ты от всего упасешь и избавишь
Чаем, молчаньем, струеньем души.
И не предашь меня,
И не оставишь.
Спят спиногрызики.
Долог наш чай.
Ты мои волосы гладишь ладонью.
Возле тебя я как возле ручья
С самой живою и доброй водою.
Как меня любят и как я люблю...
Спрятались раки тоски под коряги.
Завтра посмотрим.
Сегодня я сплю –
Самый счастливый карась в Титикаке.

2003

Санта-Грусть

В нашей деревеньке Санта-Грусть
дни без солнца, ноченьки безлунны.
То и дело с криком
«Утоплюсь!»
кто-то выбегает из салуна.

Только где он это совершит?
Рио-де-Печаль мелка, как плошка.
Так что, если все же суицид, –
то с метОдой выбранной – оплошка.

В нашей деревеньке целый день
радио играет только «Тоску».
А мы тянем тень через плетень
и мусолим жизнь, как папироску.

А шоссе Уныния ведет
в наш райцентр Ничуть-не-лучше-сити.
Лучшее ушло за горизонт –
не найдете, сколько ни ищите.

И текут, как сопли, наши дни...
Так, не жизнь, а ОРЗ сплошное...
Ну-ка, Хуанита, нацеди
мне бутылочного счастья, что ли...

2 раза, пожалста.

* * *

А как раньше было все
легче легкого,
трали-вали, баловство
кинопленковое.
И мелькают, и бегут
эпизодики.
И улыбки там и тут,
брызги-зонтики.
Смех побулькивал во ртах,
помнишь, раньше-то?
И все было ярко так
и оранжево.
Каждый гол был, как сокол
(в драном свитере),
но был каждый нам глагол
существителен.
Были вечны мы почти,
все дни – праздники.
Хоть возьми да перечти.
Что ты дразнишься...

Ну, а в нынешней главе –
вниз под горочку.
И то с ветром в голове,
то под водочку.
То как в темной чаше мы,
то как с лестницы...
И все чаще, чаще мы
в ямы крестимся.
Четверть или треть пути?
Долго ль мучиться?
Только б поле перейти...
как получится.

* * *

Эту книжечку прочтя,
понимаешь в эпилоге –
сослагательна мечта,
изъявительны итоги...
Если б, если б, если бы
нас поменьше бы качали
волны озера судьбы
и причалы привечали,
если б, если б поезда
не несли по рельсам длинным
от любимых к нелюбимым,
от «всегда» до «никогда»,
если б крепче руки свить,
если бы теснее слиться,
может быть, могло бы сбыться
то, чего не может быть.
Если б нас не тасовал
то ли Бог, а то ли шулер,
если б лучший друг не умер...
лучше б мне отпасовал...
Если б вовремя успеть...
Если бы остановиться...
Если б заглянуть сумеь
в строчку ниже по странице.
Но в уменьи том слабы,
копим память поражений.
Изъязвительность судьбы –
горечь всяких наклонений...

2003

* * *

Высоцкий не споет.
И не сфинтит Гарринча.
И БИТлам не сойтись...
С чем время ни сравнить –
не отыскать в нем брод
и не найти отмычку.
И не переменить.
И не перенестись.

Вот голос.
Вот струна.
Вот искорка по сердцу –
поддайся на искус,
сорвись, помчись, поедь.
Но прошлого страна
не впустит иноземца.
И в мире нет искусств
запрет преодолеть.

Пространство возмутишь,
пересечешь, понижишь,
но переменной мест
лишь подтвердишь итог –
твой город, твой париж,
единственной парижей,
растаял и исчез,
угас, утих, утек.

Как я сейчас живу?
Как будто доживаю.
Помимо суеты –
плюс-минус – есть да спать.
То дверью ушибут,
то дверью ошибаюсь.
И в небе нет звезды,
что стоило б сорвать.

В себе не возвратишь
восторгов и удуший.
И память сплошь вранье –
то ретушь, то елей.
В себе не возродишь
мальчишескую душу –
ни ангелов ее,
ни белых кораблей.

Но все же что-то вдруг
зажжет промокший магний.
На краткий миг замрет
стремительный поток.
И донесется звук,
повеет запах давний.
И губы обметет
забытый ветерок.
И ты увидишь дом
и двор, в который вышел,
услышишь шум детей

и стуки домино.
И на небе крестом
залетный аист вышит,
и шепчет «естедэй»
открытое окно.

Мир солнечно дрожит
за радугой прищуря.
Все брызжет и течет –
в пару, росе, дожде.
И впереди не жизнь,
но, очевидно, чудо.
И только все «еще»
и ничего «уже».

Иль первое вино
в подвальном закоулке.
И кружится башка
от первых сигарет.
И тошно, и темно,
и паучок на куртке.
И черный след плевка
в бетон втирает кед.

И ждешь, как ждет трава
рвануться из посева,
как взрыва ждет ядро,
как ждет сраженья рать, –

Вселенная твоя
еще не знает Евы,
но каждое ребро
мечтает ею стать.

Из областей волшебств
она в твой мир вступает.
Со звезд нездешних, из
фата-морганной лжи.
Из жеста в новый жест
она перетекает.
Помедли!
Не струись!
Я здесь...
Я жду...
Я жив...

И вот –
последний блиц...
Машина у подъезда.
Мяч в ауте лежит.
И кто-то шепчет: «Будь...»
И капает с ресниц
расплавленное сердце.
И можно дальше жить...
Но умерев чуть-чуть...

1988

После шторма

Все, отштормило море.
Ветер дрожит слегка,
как трепыханье моли
в воздухе у виска.
Шторма восторг и ужас
море не помнит уж.
Спит, пристегнувшись к суше
пуговицами медуз.

1986

* * *

Он утопил в грязи сапог.
Он вылез на сухой пригорок
и тяжело вздохнул, и вдох
вошел в грудь тысячью иголок.
Болели сердце и кишки,
и легкие болели тоже,
и все вершки и корешки,
и каждый волосок на коже.
Отходы поднимались ввысь.
Скрипели в небе вагонетки.
В грязи два пьяницы дрались
без всяких чувств, как две креветки.
Торчал бульдозерный скелет,
электроток кусал лодыжки,
черно коптили белый свет
автомобильные покрышки.
Динамик смешивал речей
обрывки, песенки и сводки.
А за спиной журчал ручей
струей дерьма и царской водки.
Страшней он был, чем смертный грех,
горбатый, слабый, как ребенок.
Он назывался «человек».
Он назывался «наш потомок».
Пошел он, выпрямившись в рост
(а росту было метр иль мене),
торчащий из штанины хвост
поднять из грязи не умея.
1989

Романс

Как я любил...
Я создавал миры.
Я их ловил в густом чернильном мраке.
И белая Вселенная бумаги
кипела от превратностей игры.

Я населял небесные тела
звериным и растительным народом
и лучших рыб разбрасывал по водам,
и в воздух гнал прекрасные крыла.

Я в твою честь не поднимался в бой,
не плющил лоб в неистовстве молитвы.
Я запрещал охоты и ловитвы
и пасти тиграм набивал травой.

В своих мирах движением пера
я отменял закон противоречий.
И жизнь была одною вечной встречей
и вечною победою добра.

1989

Песня Мишке на день рождения

Мои годы стаями
в небесах растаяли.
Сколько еще будет их,
мимо пролетающих?
Я не тороплюсь, поди,
пред тобой встать, Господи.
Не устал от боли я,
от любви – тем более.

Бают, где-то есть река,
за которой нет греха,
за которой темен свет,
а то света вовсе нет.
За рекою тою мгла,
ни овала, ни угла,
ни пути, ни тропочки,
ни бадьи, ни стопочки.

Я приду к ней ниц и тих
вслед за стаей птиц своих.

И увижу за рекой
женский силуэт с косою.

Не с косою девушка,
а с косою смертушка.

Хочется-не хочется,
птицы в небе кончатся...

Но пока, пока, пока
ты не для меня, река.

Молода моя душа.

Вот тебе два кукиша.

Ну-ка, наливай, сосед,
за мои, за... много лет.

По усам течет вино.

В небесах от птиц темно.

1999

Паланга-блюз

Когда вечер окутал окрестность
клочковатым туманным мохером,
этот город утратил телесность,
незнакомым стал, плоским, двухмерным.

Глаз не чувствовал больше объема,
удаленности и приближенья.
И дремота в оконных проемах
замедляла рук чьих-то движенье,

опускала вечерние шторы,
к выключателям тихо скользила.
И последним дыханием шторма
в переулки туман заносило.

На веранде кафе говорили,
вопрошали и ждали ответа.
Говорящие не уловили
тишины уходящего лета.

И уходишь ты с ним молчаливо
по серебряной в дымке дороге.
Узнаю эту песню отлива,
узнаю этот шепот тревоги.

И догнать я тебя не сумею.
Знаю, как бы я ни торопился,
я у моря найду только пену
и звезду над перилами пирса.

Я теряю тебя этой ночью,
этой мутною и золотою.
И следов твоих смыло цепочку
море сонное мокрой ладонью.

1979

Паланга-блюз № 2

В час, когда опускаются шторы,
когда грех ловит души в силки,
я пою из глубокой, как штольня,
окаянной и черной тоски.

О, май бэби, мой милый кораблик,
ты давно в бирюзовой дали...
Ну, а я, старый хмырь-сбоку-бантик,
опоздал на свои корабли.

Надо мною кружатся вороны,
метко гадят, кричат «невер мо».
Больше нет у меня обороны,
херовато мое кимоно...

2003

Женщина

Вот женщина, похожая
на ангела воплощенье.
Необъяснимокожая,
невыразимошеяя.
Болезни мира излечивает ее жест,
одно лишь движенье –
женщина из волшебств,
женщина из женьшеня.
Она, как покойников,
какдохлых моржей,
из праха и тины вторников
воскрешает мужей.
В сердце мужском, как в топке,
разгорается пламя страстей...
Амуров зефирные попки
мелькают в тени ветвей.

1991

* * *

Обмануло время,
как базарный тать.
Мне бы ногу в стремя,
д-ногу не задрать.
Мне бы ночью к даме
на балкон, в окно...
Эвон килограммы –
то-то и оно.
А коль даже влезу,
но гарантий нет-с,
что с такого стрессу
обеспечу секс.
Мне б в запой с друзьями –
это-то могу...
Да наутро, мама,
не желай врагу.

Время, ты как будто
наврало во всем.
На одну ты букву
с вором и вралем.
Обещало счастье,
я возьми – поверь.
А теперь вот часто
мордою – о дверь.

Был мальцом беспечным,
а моргнул и сник –
обещало вечность,
оказалось – миг.
Где мой мир прекрасный?
Ну-ка, покажись.
Обещало праздник,
оказалось – жизнь...

2000

Let it be

Музыка штиля в лимане, мокрых сетей в тумане, цветущей воды, лодочного остóва. Больше нет ничего. Ни звука. Ни слова. Мысль не морщит чело. Нет ничего. Не о чем думать. Нечего зреть. Некого злить, ненавидеть, любить. Не на чем плыть. Да и некуда. Смотришь сквозь клетки невода. Видишь – туман. Белый экран. Никакого кино. Ничего. Никого. Мир не создан еще, не сделан. Только замешан в белом. Только еще клубится, дышит, творится, варится, на зовы не откликается. На шепот не отвечает...

Потом сотворилась чайка из алебастровой мглы. Расправила крыльев углы. Стала ими воздух рубить, стала кричать, тишину дробить. Одинокая птица. Сумасшедшая птица. Стал туман возноситься, таять, редеть, испуганный голосом, не умеющим петь. Словно белого лотоса бутон распускался, и мир поднимался из чаши цветка, пахнувший йодом и влагой, и чистотой песка. С солнечной отвагой, смелостью горизонта, ликованьем озона, воздушными токами, древесными соками, лучом новорожденным, ручьем замороженным. Мир для любви, для чуда. Пусть он таким и будет...

Let it be, let it be...

1985

ПЛАЧУЩЕЕ ДЕРЕВО

Виолончель

Звучи, виолончель!
От музыки рождаются
бушующий апрель,
стихи, протуберанцы.
Пусть ночью будет пар,
пусть будет бег оленей,
и будет звездопад
плыть по щекам Вселенной.
В прозрачности воды
пусть будет свет спирален,
в покое детских спален
пусть будут сны чисты.
Поверить разреши,
уняв мое безверье,
что можно жить вне лжи,
дружить без лицемерья,
любить вразлет, навзрыд
до умопомраченья,
чтоб души – словно взрыв,
чтобы из тел – свеченье,
за щедрость добрых дел
не ожидать полочки.
Среди небесных тел
Земля пусть будет лучшим.
Пусть будет свет с небес
густ и виолончелен,

все живы будут без
шаманств, столоверчений.
Не спрашивай – зачем...
Скользи, смычок, по нерву.
Звучи, виолончель!
Пока звучишь, я верю.

1980/2003

Плачущее дерево

Скручено пропеллером,
мертвое давно,
плачущее дерево
есть в лесу одно.
Неспокойно, ветрено,
пасмурно, темно...
Плачет, плачет дерево –
трется волокно.
Иль живая душенька
в темноте его
ноет, хоть порушено
жизни вещество?
Не взметнуться в ветки ей –
не течет смола,
и живет с объедками
мертвого ствола.
Ей бы в небо вешнее
вырваться, а там
плавать-путешествовать
по семи ветрам.
Плачет о себе самой
и о всех иных,
обуянных бесами,
о полуживых.
Плачущее дерево,
надо мной не плачь.
Хоть в судьбе немерено
всяких неудач,
но пока карабкаюсь,

ножками сучу.
Жив еще и радуюсь
каждому лучу.
Плачущее дерево,
я тебя спилю,
а потом, наверное,
я тебя спалю.
Воспарит душа твоя
над печной трубой...
Вот и не услышу я
плач твой над собой.

2003

* * *

Принимаю данность.
И другого нет.
Но тревожит давность
Непрожитых лет.

Проходила_Ми

То ль с устатку рюмашку. То ль таблетку для сна...
Ни в коробке барашка, ни в удаве слона.
В зазеркалье – ужимки чудака-мужика.
Бреет щеки чужие нечужая рука.
Там недавно был отрок, был мосластый юнец.
И не влажен был порох, и не важен конец.
И пройдя коридором, дверь откроешь едва,
за неведомым морем – острова, острова.
В небе дикие гунны – облака, облака.
А в лазурных лагунах – жемчуга, жемчуга...
Имя девичье – Нелли...

как две капли – в цветок...

Мы с тобой не сумели... Я, вернее, не смог...
Истребил я, как ересь, паруса и крыла.
И да здравствует серость, что, как сажа, бела.
И привет тебе, пепел, от сожженных стихов.
Аист черный на небе, серый ход облаков...
Все прошло, как Азоры. Под травую – асфальт.
Ни к чему коридоры. Дверь откроешь – офсайт.
Эй ты, там, в зазеркалье, корчи рожи, дразнись...
Да, меня обокрали – сам украл свою жизнь.
В горло бритвою целься!
Пусть звонит обо мне
твое правое сердце, в правой бишь стороне.

2003

* * *

Поранюсь, порежусь
о сонный осот,
о раннюю свежесть,
о сини высот,
о сырый осинник,
о крылышки птах.
И вовсе не сильно,
но больно-то как...
Как будто на расстань
пора повернуть.
Как колет мне острым
под левую грудь.
Поранюсь, покаюсь –
вина есть вина –
тебе, белый аист,
тебе, тишина.
Я жил и транжирил
казну своих дней,
я плавился в жире
каких-то идей.
Какие-то числа,
химеры во мгле...
Но я разучился
ходить по земле.
Ломался я в позах,
запутывал след...
Вернись в меня, воздух,
вернись в меня, свет.
И вспомню до рези

в усталых зрачках
туманные взвеси
и солнце в ручьях.
Ты, жимолость, жалость
и нежность моя,
чтоб сердце разжалось –
впусти острия.
О воды, о стретжни,
о хвою в бору
поранюсь, порежусь...
запомню...
замру...
Порежь меня, поле,
заросшей межой.
И больно...
И воля...
Живой я.
Живой.

2003

* * *

– Прощай...
– Прощай...
– Прощай...
Я повторял на вдохе.
Отпущена дороги
гудронная праща.
Потоком дней черты
твои сотрет земные,
но вечны позывные
любви и чистоты.
Нам выпало совпасть,
в словах, прикосновеньях,
как в легких дуновеньях,
нам заменивших страсть.
Быть вместе не дано –
не так монета пала.
Но и того немало,
что не утолено.
Я буду слышать весть
через года и версты –
как хорошо и просто,
что ты на свете есть.
И потому не меть
судьбу мою кручиной,
будь навсегда причиной
желанья жить и сметь.

1984/2003

Песенка для Светланы

На заре – сизари и сирени запах.
А ты, ночь-зámорочь, уходи на запад.
Что копать, кто неправ...
вот бы...
если б...
ка́бы...
Я планетку прибрал – вырвал баобабы.
Муравьиные львы наших бед и злости
врылись в дальние рвы иль исчезли вовсе.
В окно спальни твоей зеркальцем мигаю.
Выбегай поскорей! – тонко намекаю.
Будем блики ловить, улыбаться будем
и улыбки дарить всем хорошим людям.
Мы пломбир будем есть яблочный, клубничный.
И числа будет несть радостям различным.
Чудеса впереди чúдные случатся.
Поскорей выходи счастью обучаться.

2003

Май

Какой сегодня ветер во дворе!
Кто обвинит в нем май – не ошибется.
Глядите-ка, полуденное солнце
горит на нем, как шапка на воре.
Развешивает женщина белье.
А ветер ее ситцем облепляет,
как пестрою пыльцою, и влюбляет
ленивых доминошников в нее.
Им выпить бы – да нету ни рубля...
Глядят на чистоту ее полотен,
мечтающих в замедленном полете
стать парусом иль гюйсом корабля.
Тоска в мужских неласковых глазах.
В карманах тает на закуску сало.
А в жизнях их не будет Кюрасао,
не ждут их на ванильных островах.
А будет жизнь им кадыки тереть,
тяни ее – для пирамиды глыбу.
И «пусто-пусто», стало быть, и «рыба»!
И хоть бы рубль...
Невмоготу ж терпеть!..
И к небу поднимается рука,
святая от усталости и пота.
И вешает на след от самолета
большие кучевые облака.

1984/2003

* * *

Маэстро, вальс!

Раз-два-три...

Воздух маслян сегодня – хоть мажь на хлеб,
небо много небеснее прежних неб.

Коль не мажется воздух,
тогда нарежь!

«Неб» – неправильно?

Брось ты –
подумаешь!

Для тебя я скажу хоть и «небеси»...

Ты пальто больше черное не носи.

А оденься в какой-нибудь синтепон,
и пусть будет каким-нибудь синим он.

Что-то нынче мне так хохочется,
не умею сосредоточиться,
хоть я к этому – все усилия...

Ну зачем все такое синее!

А давай мы с тобою – в «пассатике»
перекатимся к лесу-садику.

Там, где речка и горки, и небеси,
там, где жаворонки и чибисы.

Погуляем, подышим, послушаем,
воздух масляный этот покушаем.

Ой, весна, ты нас ополаскивай!

И поласковее, поласковой!

Ивой тонкою нам на ветру кивай.

Обволакивай нас, обволакивай!

И на солнце посмотрим, зажмуримся.

Будем жить еще!

Будем!

Сбудемся!

2003

Математика

Все казалось ординарным.
А теперь вот – хоть распнись...
Как абсцисса с ординатой,
встретились и разошлись.
Встречи той неповторимость
вспомню я и озарюсь:
все, что было прежде – минус,
все, что было после – плюс.

* * *

Зое

Любимая, какая ночь сегодня...
Ты спи, твой сон покараулю я.
Спи, лучшее создание Господне,
единственная женщина моя.

Сегодня ночь, как будто перед сглазом.
Так тихо, так безлунно-высоко.
Бьют родники расплавленным алмазом,
и в Млечный путь втекает молоко.

Не воеет зверь, не вскрикивает птица,
я запретил им выть или кричать.
Пусть сладко спит моя императрица,
и потому, пожалуйста, –
молчать...

Я знаю, что меня ты не разлюбишь,
но, зная это, все равно боюсь.
И хоть аминем беса не отбудешь,
но я, на всякий случай, помолюсь.

Пусть ангелы витают у подушки,
пусть шепчут, помогая мне в мольбе.
Я горло завязал своей кукушке,
чтоб не гадала больше, чем тебе.

Нет шума человеческих поселений.
Молчат потоки, ветры и моря...
И спит в большой умолкнувшей Вселенной
единственная женщина моя.

* * *

Все убого, напрасно, нелепо.
Кокнул зеркальце злобненький тролль.
Луг мой летний, похожий на небо,
Не хочу я учить свою роль.

Не хочу ни любви, ни надежды –
Упаду и закрою глаза.
Успокойте меня и утешьте,
Травяные мои небеса.

Я парю в луговом поднебесье,
Звезды бьют из-под пальцев моих,
Завершая изгнание беса, –
Незабудки волос вероник*.

Посекла мою жизнь насекомость.
Оси сломаны в жизни моей.
Унеси меня, луг, в невесомость.
Укуси меня, друг-муравей...

---

*Волосы Вероники – созвездие такое.

* * *

Суета бесполезная
стала дальнею, давнею.
И живу возле леса я
в доме с белыми ставнями.

Захожу выпить водочки
то к Ивану, то к Осипу.
И катаюсь на лодочке
по осеннему озеру.

Ярок свет лучевых полос
в зарастающих вырубках.
Будто долго мне плакалось –
да все черное выплакал.

Тишина здесь посеяна
неземная, нездешняя...
Ой вы, клены осенние,
звездолеты сгоревшие.

Эти ветры октябрьские
гонят листья по просеке.
А душа моя рабская
тихо к Господу просится...

Первый снег

Первый снег...
Иду, гуляю,
улыбаюсь умно.
Будто я сегодня знаю,
что и знать-то не дано.
Посижу на стадионе,
где футбольная игра...
Не паснут в мое сегодня
из мальчишьего вчера.
Поплутаю в старом парке,
там еще чадит листва
с горьким привкусом заварки
чая, чуда, колдовства.
Согрешу против Минздрава,
на скамейке закурю.
Синеватый дым отравы
поплывет по ноябрю.
И, к мечтаньям расположен,
неожиданно сочту,
будто жизнь начаться может
начисто.
Начистоту.

1985/2003

ЗАВТРА

Завтра

Завтра будет тепло.

*Из прогноза погоды на
13 мая 2003 года по Литве*

Завтра будет тепло.

Завтра будет легко и спокойно.

Будут реки струиться,

как время из божьей горсти.

Будет небо высокое – место для колокольни.

Будет все, как положено,

течь, обретаться, расти.

Завтра будет любовь.

Будет ласка сочиться из пальцев.

Будет нежность, от губ отрываясь,

слагаться в слова,

незнакомо родные,

как лица пришедших скитальцев,

где-то в дальних пучинах искавших свои острова.

Ко мне мама придет –

одинокую ланью из леса...

Эх, Нико Пиросмани, лишь ты знаешь эти глаза...

Да, седею, все верно. Ребро и наличие беса.

Только мама поймет, что не бес это, а небеса.

Соберутся друзья.

Даже те, кто стал плотью земною.

Пусть в иных воплощениях,

неузнанных теми, кто жив.

Над сенной лихорадкой судеб,
над остывшей золою,
встанем в рост
и натужимся всеми остатками жил,

продолжаясь друг в друге
и в жизни, и в том, что за нею,
мы еще отчебучим, отбросив занудную роль!
И в прыжок затяжной,
и в крутой бейдевинд мы сумеем,
и по самому краю, в «девятку»,
lets go рок-н-ролл!

Завтра будет светло.
Не случатся измена и кривда.
Будет просто, как надо,
как должно и как суждено.
Полночь близится. Скоро –
и крылья, и парус, и рында...
А сегодня все кончено. Прожито. Завершено.

* * *

Когда того потребовали даты,
был осенью захвачен городок.
И деревья, как пьяные солдаты,
Шумели и качались у дорог.

По городку, оставленному летом,
Я взад-вперед слонялся не спеша.
В моей душе, как и в местечке этом,
стояло ощущение грабежа.

Здесь был костел, шедевр архитектуры
какого-то столетья, и еще
развалины льняной мануфактуры
светили тускло красным кирпичом.

Был парк – остаток панского маентка...
Как хорошо здесь было бы вдвоем...
И девочка с глазами жеребенка
Кидала листья в темный водоем.

А вырастет она и будет письма
бросать в молчанья черные пруды.
И будет умолять кого-то – снись мне!
И что-то создавать из пустоты.

А сторож спички шарил по карманам,
чтоб листья жечь, чтоб погрузилось в дым,
как в зелье, запрещенное Кораном,
все, от чего становишься седым.

И я просил кого-то в небе – ратуй!
Но этот кто-то мне не отвечал.
Он по небу, заведя парадом,
куда-то журавлей перемещал.

Я сам себе судом был бесполезным,
но что-то все ж доказывал судьбе.
И говорил со сторожем нетрезвым
о женщинах, политике, судьбе.

В беседке мы общались с ним, на фоне
разора, поражения, утрат,
глаголов, сослагательных по форме,
кружился между нами листопад.

И мы-таки освоили поллитру,
закусывая салом и лучком,
и подмешали в осени палитру
тоску, произносимую молчком.

* * *

У причала в ночной кафешке
я пью чай и ем пирожок.
Не хочу уплыть, конечно,
только слышу в себе рожок.

И паром подпевает басом,
неуемно стремясь сюда.
И стаканчик мой одноразов.
И не чай в нем – одна бурда.

Шепот, клеткот влюбленной пары
через два от меня стола.
Хорошо им – у них фанфары
или даже колокола.

И паром не для них придуман.
И причал этот не для них.
Я был тоже когда-то юным,
но недолго – пожалуй, миг

Кот сидит и всем видом кажет –
мол, я индифферентный кот.
Но с тоской провожает каждый
он кусок пирожка в мой рот.

А меня все зовут оттуда,
где давно большинство людей.
Но я не поплыву, покуда
всей бурды не допью своей.

Эй, котяра, лови кусманчик!
Повод есть порезвиться – ведь
одноразовый мой стаканчик,
еще полон почти на треть.

* * *

Я узнал тебя по шевеленью
в своем горле трудного комка.
Или догадался, не умея
опознать совсем наверняка.

Все же это ты была, стояла,
как стоят, кого-то проводив,
слушала гудение металла,
колокольной музыки мотив.

Эй, маэстро, маг в музейной башне!
Расстарайся, я прошу, смоги!
Чтобы стало радостно и страшно,
как заплыв на глубину реки.

Чтобы летний закачался воздух
и стекла с нас времени вода,
чтоб друг в друге нами был опознан
тот, кто светит нам через года.

Но поет железный голос чуждо,
и ничто в тебе не задрожит.
И менять мотив уже не нужно.
Поздно – на мгновение, на жизнь...

Ночью мотылек случайный в доме
крыльями о лампу застучит.
Выпущу его в окно, ладони
легкая пыльца посеребрит.

В темноте он канет, зарябившей
запертым за стеклами огнем.
Ты – мой мотылек, посеребдивший
сердце и царапинки на нем.

1984/2003

Осень

1

Над осенней улицей ноют провода.
Зябко даже лужицам – морщится вода.
Дождик мелкий сеется. Я скажу дождю:
Знаю тебя, серенький, дождик-дежавю.
Из соседней булочной запахи сладки.
В горлах переулочков кашляют шаги.
Были нуворишами улиц дерева,
обернулись нищими – драны рукава.
Никуда не денешься – уж таков финал.
Мечет, мечет денежки дворник в самосвал.
Ткется струек-трещинок на стекле узор.
А в кабине женщина – стало быть, шофер.
Чудное видение – сонные глаза,
Спи, нажав сцепление или тормоза.
Спи, листвы владычица, спи, осенний эльф,
пусть в колеса тычется глупый спаниель.
Спи, моя хорошая, а я погрущу
и тоску по прошлому в листья погружу.
Вспомню образ девичий, встречи и слова...
В ранке недолеченной – ниточки из шва.
Погрущу, что случилось, да не так, как след...
Преобразовалось в неизбывный свет.

2

Вот что я, убогий, думать смею
и о том поведаю тебе –
землю Бог придумал перед смертью.
Он ее придумал в октябре.

Чтобы в этом гибнущем чертоге,
в этом шелушенье золотом
человеки думали о Боге
и смотрели на небо при том.

Чтоб слеза им зрение травила,
как родник – накапавшая нефть,
когда стаи птиц непоправимо
из небес вытягивают нерв.

Чтобы рвали души эти люди,
глядя на безумный листопад,
на его стекающие слюни
меж зубов-балясин балюстрад.

Чтобы знали – кончиться придется
(не придумать им от горя зонт),
вот и охладившееся солнце
падает, как лист, за горизонт...

Бог с кончиной всех провел, как шулер,
помирать-то Богу не к лицу...
А октябрь по-прежнему бушует,
словно скорбь по мертвому творцу.

3

Сорок шестая неделя.
В этом нелегком году
Птицы давно улетели
маяться в южном чаду.
Мы не успели напиться
щедрым и добрым теплом.
Сорок шестая седмица
мнет что-то в сердце моем.
В опустошенном объеме,
в черных скелетах деревьев
ветер, виновный в погроме,
воет в тоске, протрезвев.
В трудной успенской печали
спрятался дачный массив.
Где они – буйства зачатий,
плодоношения взрыв?
Где тех тычинок жеманство
в ярких кругах лепестков,
пчел хоровод и шаманство
с бубнами крыльев жуков?
Где она, та медоносность,
мушек цветных перепляс?
Луга ромашковый космос
все свои звезды растряс.

1984/2003

Перед грозой

День жарок был, тягуч.
А вдалеке был рай.
Там темным краем туч
был срезан неба край.
Там кашеварил гром,
в свои посуды бил,
и ливень под углом
там полосы чертил.
Плыл воздух и дрожал.
Пересыхал фонтан.
День был завернут в жар,
как в мутный целлофан.
Сквозь маревую дрожь,
сквозь муть ее слюды
смотрел я – ты идешь
по миражам воды.
Казалось, через миг...
вот-вот...
теперь...
уже...
дождь высыплет на мир
алмазное драже,
И змеи сточных труб
под бурой ржавью кож
ткань паутин порвут,
и выдохнется дождь!
Давай – как из ведра,
ударь же – исполать!

Пора, мой дождь, пора
поить и утолять!
И ты возникнешь близ –
пройдя сквозь струйный ток,
мой дождевой каприз,
промокший ангелок.
Замедлит время ход,
почти забудет течь.
И молния – как год,
и гром – как Бога речь.

...Гроза прошла вблизи...
Жизнь как песок в следы.
И не было грозы.
И не настала ты.
А я все вдаль гляжу.
Хоть что тут торопить?
Напрасно ждать грозу...
Не пить...
Не утолить...

1984/2003

Август

Вот, браток, и месяц жнивень.
Влажная теплынь.
Что ты ждешь? Не будь наивен –
жни свою полынь.

Не взойдет из плевел жито,
что сажал – коси.
Что прожито, то прожито.
Господи, спаси.

Август, август. Все три Спаса –
щедрая страда.
Бьется, бьется тик у глаза.
Жнется лебеда.

Мед и яблоки, орехи,
пруха без трухи.
У меня же лишь огрехи
да еще грехи.

То гордыня – как икота,
то впадаешь в ложь.
А бывает, что кого-то
нехотя убьешь.

Не совсем, не до мокрухи
и статьи УК.
Но испачкал-таки руки –
хватит для греха.

То растрата, а то кража –
мелочь, ерунда.
То ли лажа, то ль не краше.
Лебеда-беда.

Престо, престо, очень престо –
зерен в землю бой.
До чего смешно и пресно
сжатое тобой.

Упаси меня, мой август,
Спасами молю.
Влей хоть маленькую радость
в душеньку мою.

Моет ливень, моет ливень
яблоки в траве...
Месяц август. Месяц жнивень...
Аутодафе...

* * *

Светлане

Хочешь – я буду рукой,
знающей только «дать».
Хочешь – я буду рекой,
чтоб камни в меня кидать.

Травой, хочешь, стану я –
шелковой постелюсь.
Ты упадешь в меня
и выплачешь свою грусть.

Хочешь – я буду мрак,
чтобы во мне светить.
Хочешь – я буду враг,
чтобы меня убить.

* * *

Пусто, пусто в мире.
Длины с высотой
множь как хочешь шире –
а объем пустой.
Дело на закате,
и рояль в кустах.
Музыка в затакте
врет, что будет такт.
Хоть кидайся с мола –
накатись, волна!
У меня крамола.
Нежность у меня.
Дело-то у моря,
и к тому ж отлив.
Чистая умора.
Как мальчишка влип.
Положивши морду
на кулак щекой,
наблюдаю воду,
грустненький такой.
Нежности объекту
не отдам секрет.
Ей в мужском объедке
интереса нет.
Пустота. Кромешность,
насквозь мокрый плащ...
А со мною нежность –
ласковый палач.
Думаю о всяком,
и горчит слюна.
Тянет, тянет вакуум
душу из меня.

* * *

Я хотел бы родиться у теплого моря,
в стране, говорящей «амор» иль «аморе»,
на том белом от солнца земном пространстве,
где все то и дело говорят: «Эсперанса».
Где виноградники стекают по склонам Сьерры,
где шампуром забивает быка тореро,
а то бык втыкает рога тореро в жопу,
чтоб не махал тут красным половиком
и просто чтобы...

Там все говорят: «Патриа».

И еще говорят: «Либертад».

Стреляют из револьверов друг в дружку
и идут собирать виноград.

В стране той тепло,
там можно лежать и лениться.

А можно еще в кухарку дона Алонсо влюбиться.
Она бы меня угощала текилой
и прелестями своими.

И говорила б: «Аморе», и колыхала вымя.

Там у окошка сидит полковник,
растекшись по подоконнику,
скучает, потому что никто не пишет полковнику.

Всех, кто ему мог писать,
он уже застрелил и говорит: «Каррамба!»

По вечерам там все танцуют танго и румбу,
и, конечно же, самбу.

Там можно спать в гамаке,
смотреть на небо и не работать,

пить текилу и кальвадос
и на тамошней фене ботать,
есть чили с красным, жгучим,
термоядерным перцем,
с кухаркой поспать...

А Изабель отдать свое печальное сердце
и забрать у нее невинность.

Все равно заберет ведь кто-то.
Так лучше уж я, чем дебил Альварес
с районного винзавода.

Там колокольни колышут
тяжелого звона колосья.

И падре там говорит:

«Спиритус сантис» (он не пьет кальвадоса).
И снова спать в гамаке,
теперь уж до самой смерти.

Придет брат Изабель с револьвером
и скажет: «Муерте».

И ты увидишь, как с неба падает хлопок
или клочками мех.

И кто-то в черном стоит, смотрит в небо
и произносит: «Снег...»

* * *

Ночь тиха, как забвенье.
На полнеба луна.
И сияют мгновенья,
как слюда в валунах.
Ты со мной...
Ты такая...
Целовал бы следы.
И тыходишь нагая
в сон озерной воды.
К теплоте твоих линий,
словно к чуду Творца,
льнут кувшинок и лилий
травяные сердца.
По сердцам их – монетам,
прикрепленным ко дну, –
и по лунному свету
ты плывешь на луну.
Возвращайся скорее
из озерного сна,
и я все отопрею,
что застудит луна.
Соберу я губами
звезды с кожи твоей,
и кипит пусть над нами
пламя лунных морей.
И сквозь губ онеменье
еле выдохну я
эти местоименья,
этот стон:
– Ты – моя...

* * *

Суметь бы, суметь все допить и допеть,
доплыть, доползти, добежать, долететь.
Не саван свой шить, не сколачивать гроб –
стремиться, спешить, вылезать из чащоб,
тащить из трясины свои сапоги,
уйти из капкана и от западни.
И против течения выгрести смочь.
От немочей липких отбиться и порч.
И чтоб не бояться хлестнувшей вожжи.
Без кожзаменителя вместо души.
Без третьих позиций, без поз, антраша.
Любить – так любить, обжигаясь, спеша.
Грешить – так грешить, а шалеть – так шалеть.
Чтоб пред красотой оторопеть.
Без искариотова чтоб серебра.
Без жалкой и мелочной мести раба.
Допить, что налито, и песню допеть...
Довыть, долюбить, дострадать, дотерпеть...

МОЛИТВА

Молитва

Червь озлобленья мне сердце обвил,
в мыслях и чувствах – пустыня и порча.
Но все воюю и ранюсь, и корчусь...

Господи!

Господи!

Дай мне любви...

Ядами травлен. Рентгеном исшит.
Трачен брехнею. Кругом поднадзорен.
С воздухом, с почвой земною поссорен
до отрицанья возможности жить.

В море беспамятства, лжи и тщеты
как нужен мне хоть глоток упования –
участь и честь человеческого званья
больше кромешной моей нищеты.

Трудное дело – увидеть суметь
сущего суть в проявлении мгновенном,
гений Творца даже в слабом и тленном.
И принимать,
и любить,
и жалеть.

Господи!

Я уже столько убил.

Верить?

Не верю...

Надеюсь?

Не очень...
Кукиш в кармане и на сердце осень...
Но всю кожей взываю:
– Любви!..

1989

* * *

А. Брятову

Упала температура.
Октябрь от тепла устал.
Темперой мутной утро
закрашивает астрал...
Закрасило – и разлился
негреющий, мгlistый свет.
А жизнь вычитает листья
из суммы своих примет.
По вотчинам предпокровья
соль инеевых остуд.
Небесные неудобья
последние гуси мнут.
И дудки тех птиц в высотах
проводишь, дышать годя...
Потрогай, душа-босота,
небо, как в пруд входя.
Во всем семена отравы.
Все видится, как впервой,
или – у переправы
куда-то за край земной.
Мир в амок осенний сорван.
Ну, а в тебе самом
врачам неизвестный орган
торопит, зовет паром...

Человек

Я сбросил бога
и груз раба.
Все – не убог я
и без горба!

Кричу в угаре:
– Я жнец и швец!
И вовсе – царь я!
Вообще – венец!..

Таким вот фертом.
И – ручку в бок.
– Я, бывший смердом,
сам нынче бог!

Божу, владычу.
Не жжет престол.
Не пальцем тычу –
кажу перстом.

По силы праву
имею сметь
судить и править,
и сеять смерть.

И что там ружья –
молчит душа.
Бьет равнодушье
верней ружья.

И шибче магий
наводит сглаз
чернил с бумагой
простая связь.

Как страус прячет
башку в песок,
в бумагу прячусь,
в суконный слог.

Влагаю в сметы,
в размер деньги
лесные смерти,
беду реки,

болезный воздух
и язвы недр –
на все я создал
цену и метр.

Я все уважу,
все покорю,
все одомашню,
прижму к ногтю.

...И вот порядок.
И вот итог –
промежду грядок
ряды дорог,

тучнеют хряки
и прочий скот,

и с неба пряник
свисает в рот.

Я в космос прыгнул
и среди звезд
вписал артикул,
размер и ГОСТ.

Все сплошь пластмасса
и керосин.
И все прекрасно.
И я красив.

Весь мир сверкает,
блистает весь...
Тоска какая –
хоть в петлю лезь.

1989

* * *

Не ной, мое сердце...
Тужи – не тужи.
Проиграно.
Мизер наш ловлен.
Орешник червовые мечет тузы,
и ветер их носит над полем.
Я тоже разбрасывал сердце свое
кусками жалельных заплаток.
Не время ль тебе, дорогое рванье,
слегка успокоить остаток.
До крови рябиновых стылых кистей
и серых наркозных печалей,
до сукровиц розовых, черных костей
мир лиственных роц измочален.
Все было не так и не в такт, и не в масть.
Ставь птички в расходные графки.
Уносятся птицы к теплу басурманств,
к покою и шелковой травке.
А нам оставаться, а нам пропадать,
цедить нашу горечь солово,
лакать этот солод, свободу глотать
в краю, где едома солома.
А нам, от последней любви замерев,
(не смолкни, тик-такай в запястье)
учиться у этих осенних дерев
последствиям искренней страсти.
Не бойся сорваться в заклиненный юз
и не убоись истереться –
Не бойся любви, мое сердце!

В сентябре

Мое лихо поутихло –
перебил чем-то я.
В тихом тике паутинка
переливчатая.
А из облачной из джонки,
что рассохлась, видать,
солнце сыплется, как пшенка –
благодать, благодать.
Перебил тоску я, плюнул –
грызть себя да копать.
Чуть повою в полнолуние –
и замолкну опять.

А в озоне слышен порох –
уток бьют мужики.
Спаниелька – сучий потрох –
испугался реки.
Не несет он селезенка,
что упал в камыши,
брешет жалобно и звонко –
от души, от души.
Ну, а нам с моей хорошей
так молчится легко!
Я мурлычу с глупой рожей
песню про Сулико.
Сладким ядом поздних ягод
тешим мы языки.
Хорошо быть травоядным
в эти чудо-деньки.

Мы гуляем по тропинкам,
ты идешь впереди.
Над тобою паутинки...
Хорошо, Господи!

Но внезапно протрезвею...
А тебя-то и нет –
не подвластно ротозею
твой удерживать свет.
Посередке небосвода
мои тонут глаза.
До небесного ОСВОДа
докричаться нельзя.
Поболишь в моем помятом
и погнутом ребре...
И опять возникнешь рядом
в сентябре, в сентябре.

Текла Швянтойи*

И было лето. И было утро
светло, лазурно.
Все было в мире легко, нетрудно,
и все разумно.
Река Швянтойи струилась плавно
и равномерно.
Все было важно, все было главно,
все было верно.
И шмель гудящий, и ужик скользкий,
и птах парящий
не мыслью были в усталом мозге,
а настоящи.
Чешуйки, шерстки, цветы, коренья
волокна, нити –
все отвечало предназначенью,
делам, планиде.
Кому-то – когти, кому – копытца,
кому-то – крылья.
Кому быть ловчим, кому ловиться –
успеть в укрытье.
И совершались в одно мгновенье
легко и чисто
кровопусканье, кроветворенье,
любовь, убийство.

---

*Швянтойи – река в Литве (вернее, даже две реки с одинаковым названием, одна – приток Нериса, другая впадает в Балтийское море в поселке с одноименным названием, в данном случае речь идет о притоке Нериса). Швянтойи в переводе – Святая. В них крестили Литву.

Все было свито в узлы, узоры,
Круговороты
воды и праха, семян и сора,
судеб, свободы.
Бессонье с дремой,
покой с движеньем –
все было равным.
И совершалось плодоношенье
назло потравам.
И было лето. И было лепо.
И день погожий.
Текла Швянтойи полоской неба,
слезою Божьей.

* * *

Помилуй, Боже, и спаси
ты чад своих, с рожденья сирот,
на неприкаянной Руси,
где все навыворот, на вырост,
где каждый мал и каждый сир,
где каждому даны, как схи́ма,
простор, что так невыразим,
любовь, что так невыносима.
Где каждый сразу – раб и царь,
где бел бычок и стать особа,
хоть ты надеждою мерцай,
как бочажок среди осота.
Помилуй, Бог, своих овец,
сбежавших в поисках благого
куда-то на другой конец
большого пастбища земного.
Всех брошенных под перекрой
одной шестой в другие дробы
своею милостью прикрой,
стыдобной тяжестью не горби.
Повязанным на языке,
на том, что мама мыла раму,
на том, что в каждом тупике
подозреваем выход к храму,
всем нам – кто соль и кто сырье
недоброй матушки-России,
дай сил, Господь, любить ее
и не извериться в бессильи.

* * *

Июль. Жара. Не продохнуть.
Свернуться в кокон... Выждать...
Выжить...

И время, словно губку выжать
до свежести какой-нибудь.
Пот каплет с лип, стекает с лиц.
Сам, как в руке леденчик, липок.
Влачишь себя среди улыбок
мальчишек и отроковиц.
Они еще в другой среде,
легки, как в омуте плотвички.
И радужны их роговички,
и смех – как блики по воде.
А ты, скребущий свой сусек,
насущенный хлеб соображая, –
всего лишь выгнанный из рая
угрюмый потный человек.

* * *

Послушай-ка, ностальгия...
Зачем нужен дождь твой здесь?
Ногти свои стальные
в сердце мое даждь днесь?
Из-за твоих подсказок
рискую на вираже
вовсе слететь с салазок.
А может, слетел уже.
Вот ведь – стихи сжигаю.
Красный огонь кормлю.
Тоска моя ножевая.
Больно еще люблю...
Горите, стихи, кукожьтесь!
Вам не для кого звенеть.
Лучше уж обескожусь,
нежели буду петь.
К той, для ушей которой
явлены вы на свет,
транспорт такой не скорый,
верней, его вовсе нет.
Обставил все важно так-то:
водка, магнитофон
(лакает орган токкату,
словно ручной дракон).
Дождь барабанит в окна.
В камине стихи горят.
Не помогает водка.
Лучше бы сразу – яд...

Тоска, отсекись, отсейся,
прочь – на стрелы полет.
Оставь ты в покое сердце...
Может быть, заживет.
Теплые дни настанут.
Крикну в лесу:
– Ау!
Эхо ответит:
– Аут! – голосу моему.

1984/2003

* * *

Я спокоен, я спокоен.
Нету стрел, и порох сыр.
Я покоя удостоен,
ибо всем по горло сыт.
Надоело быть готовым –
то-то мне укажут путь
то ль к свободе, то ль к оковам,
то ль еще к чему-нибудь.
То ли кровью поделиться
со всей тундровой мошкой,
то ли спятить, то ли спиться,
то ли с крыши – вниз башкой.
Никогда не верил в Бога –
быть рабом? Не так и слаб,
а возьми с любого бока –
да с любого бока раб!
Я спокоен, устаканен,
и захочешь – не проймешь.
Ай да я, лежачий камень,
под меня не затечешь!
За невыдохнутость песни
(выдыхать мешала злость,
а теперь уже, хоть тресни,
вместо песни – килькин хвост),
за нечаянность предательств,
в спешке, нервах, беготне,
сбросил с крыльев черный аист
свою краску в сердце мне.
Если что-то и имелось
там, где быть должна душа –
истомилось, изболелось,
не осталось ни шиша.
1988/2003

* * *

Хлещет дождь на Укаяли.
Да у нас не лучше гнусь.
И душа, как мышь в рояле,
гулко гложет свою грусть.

Не просохнуть, не согреться.
Сердце водоросли рвут.
Ой ты, сердце, мое сердце,
мой печальный субпродукт.

Неохота стало драться
даже с лучшим из врагов.
Мне б податься в травознатцы –
чай попить из сорняков.

От того, быть может, чая
из цветочков и стеблей
хоть немножко б полегчало –
меньше б думал о тебе.

Дождь идет на Ориноко,
сельву струями лупя...
Ничего, что одиноко.
Просто плохо без тебя.

* * *

Спасибо тебе, любовь,
за то, что не понарошку.
И даже коль на убой –
но выбрал твою дорожку.
За рай на изнанках век,
за сладость твоих мурашек,
за то, что не как у всех,
за то, что легко и страшно,
за то, что нет больше зим,
за то, что цветут черешни –
о, мой Иерусалим,
вербная моя нежность! –
за то, что сметаю прах
мелочного порядка –
ежели и неправ,
то все равно ты правда! –
за то, что схватил крючок
с задором весенней рыбы,
за горький мой табачок
спасибо, любовь, спасибо!
Спасибо, любовь, я твой.
Радуйся же улову!..
За небо над головой,
за небо через Голгофу!

КОГДА ОГЛЯНЕШЬСЯ...

* * *

Зима пришла так вдруг, так сразу
(хотя, казалось бы, и в срок)
по ранам осени, по грязи
на язвах выбитых дорог.

И снег пошел, сначала редок,
ложась на землю, на бетон,
на скрюченные пальцы веток
стерильным тоненьким бинтом...

А вот и густо закружился,
захлопотал он, ворожа,
над исстрадавшеюся жизнью,
как сердобольная душа...

Расслабься, братец мой, утешься,
довольно маяться виной,
все милосердно скроет снежный
и нежный ветер ледяной.

И очень многое не спелось,
и что-то причиняет боль,
но снег – сиятельство и светлость –
все это скроет под собой.

Увидишь – пусть обманет зренье, –
когда оглянешься на след,
одни лишь светлые мгновенья,
как будто был там только свет...

***

Одиноко мне в толпе,
как жирафу на Памире.
Я скучаю по тебе,
будто душу прищемили.

К пункту А из пункта Б,
жилки красные на карте –
моя кровь течет к тебе,
так и вытечет по капле.

***

Возвратиться мне бы
на лесной кордон,
где стекало небо
с изумрудных крон.
Где в кривой избушке
целых десять дней
жили мы с подружкой
милою моей.
А туманы сини
и легки, как сон.
У подружки имя...
Впрочем, без имен...
Возносили сосны
стройные тела.
И душа сосна
с соснами была.
Видели с обрыва –
речка широка,
в ней играла рыба,
жерех жировал.
Танцевали цапли,
шеями сплетясь.
Дождевые капли
падали, светясь.
Приходили лоси
и склонялись ниц,
и роняли слезы
с бархатных ресниц.

Бабочки-поденки
падали на плес,
чтобы всплыть в потемках
отраженьем звезд...
А река – в барашках,
где порог крутой.
А рука – в мурашках
под моей рукой...

Что-то совершаю –
все не так кругом.
Как вокруг ни шарю –
покати шаром.
То мне кот наплачет,
то не свистнет рак.
Так или иначе –
только все не так.
Плоский, как картонка,
этот белый свет.
А того кордона
на планете нет.

* * *

Белый снег валит, валит,
Завалил межи...
День – какой-то инвалид,
Еле-еле жив.

Владислав Сергеев

Снег идет, валит, валит
третьи сутки ошалело.
Я, отдельный индивид,
не приемлю это дело.
Но забыл узнать февраль,
упустил, как видно, в спешке
невеликую деталь –
мненья мающейся пешки.
Сажу звездного костра
вытряхает из зенита.
Он настроен на астрал –
что ему до индивида.
И, немыслимо бела,
оседает в виде снега
тел космических зола,
что февраль сметает с неба.
Дворник, потный звездочет,
материт, сопя утробно,
этот редкостный почет –
Млечный путь торить в сугробах.
Да и как тут не сопеть,
коль до колик надоели
снежный прах кассиопей,
мерзлый пепел водолеев.

Холод выстудил мозги.
Я уже не помню лета.
Все дороги – в тупики.
Нету в снежном брутто нетто.
Вброшен в эту круговерть,
я набит зимой по ноздри...
Мне б до терний дотерпеть,
пробираясь через звезды...

***

Память спутала, смешала
лица, встречи, голоса –
что-то в уши надышала,
чем-то брызнула в глаза.
Все она соединила –
холода, капли, жар
с желтой смертью хлорофилла,
то, что сеял, с тем, что жал.
Правда – свойство сей секунды,
в том, что было, правды нет.
Лги мне, память, чтоб нетрудно
жал на плечи белый свет.
Пусть текут из тьмы процессов
мозгового вещества,
как из колбы Парацельса,
эликсиры волшебства.
Чтоб казалось –
в самом деле
было все в судьбе не зря:
ливни, пристани, метели,
цепи, мели, якоря,
что любовь несла на крыльях,
не болела в ретивом,
и что я всегда был в силах
за добро платить добром,
что всегда свободно плылось
вдоль кисельных берегов,
бить челом не приходилось
в кабинетах дураков,
что не шибко я умножил,
на земле запасы зла...
Что немного ты, быть может,
все же правдою была.

***

По воскресеньям дожди.
Серое время печали.
Сердце кровоточит,
будто его распяли.

Н. Гильен

А вот и дождь как раз.
Все точно по Гильену.
Ей-ей, начну сейчас
бодать башкою стену.

В морях живет треска,
плывет куда попало.
А у меня тоска –
как рыба-прилипала.

Хоть существую вне
америк иль японий,
но все ж « в чужой стране,
как хрен среди бегоний.

Сижу невыездным
в европовом приямке,
мне глаз не выест дым,
что сладок и приятен.

Моих санта-марий
не ждите на Гаити.
Я сам их уморил,
пустил на дно в корыте.

Хоть плеточкой хлещись
и изнывай, как дервиш,
поношенную жизнь
на новую не сменишь.

И все, что не открыл,
останется закрыто.
Тому, кто был бескрыл,
достанется корыто.

***

Ветер свеж – ему бы дуть по морю,
рыться в шерсти волновых овец,
ночью звезды крупного помола
слизывать с просоленных небес,

веселясь, раскачивать баркасы,
в парус бить и путать такелаж.
Как мальчишка, перепутав классы,
он ворвался в серый город наш.

А у нас сплошь камень и железо,
рамы, за проемами проем,
человек лелеет свои стрессы
и в окно не видит окоем.

А у нас в аквариумах рыбки,
в телеке Хуан и Изабель.
И улыбки скользки, как обмылки,
и собаки гадят на панель...

Отчего забытая тревога
провела по сердцу коготком?
Дорогая, постоим немного
и подышим свежим ветерком...

***

Упрошу, умолю –
будь со мною, красавица!
А сирень во хмелю
за заборы хватается.
Треплет в ней соловей
свое горло разбойничье,
от его соло в ней
с сердца падают обручи.
Я тебя вознесу
над молвою, над серою
в королевство-весну –
будь его королевою!
От всего, ото всех
отвоюю и вывою,
за счастливый наш грех
я клонюсь к тебе выею.
Среди всех несвобод
и порядка на полочках
принимай небосвод
в верноподанных звездочках!
Государство травы
и лесная империя
ждут, чтоб ноги твои
им следы свои вверили.
Майской ночи дворец
пред тобой, венценосица,
в нем стучанье сердец
как закон произносится.
Я твой смиренный вассал
и слуга твой послушный я.
Этот май и я сам –
моя подать подушная.

***

В головенке дума –
серая нуда.
За спиною дюна,
впереди – вода.

Пение сирены,
хоть сирен и нет.
И сиренью – пена
на разделе сред.

И так тянет властно
устремиться вдаль!
Чтоб гудели снасти
и летел корабль.

Чтоб кроилось море
пополам о киль.
Чтоб – простор и воля,
а не водевиль.

Чтоб кипящий космос
и сиянье рыб,
а не насекомость
среди бетонных глыб.

Чтобы – чайный клипер
или белый бриг.
Чтобы – хоть на гибель,
лишь бы напрямик.

***

Была предутренняя тишь,
и были озеро и берег.
Ночь утекала в скрытый ерик,
что в камышах не различишь.

А тишина жила во всем –
в росе на нитке паутины,
в покое рясковой патины,
в звезде в обнимку с пузырьем,

во тьме прибрежного леска,
начавшей осторожно таять,
в воде, кругами длящей память
прикосновения весла.

И был я в ялике своем,
как в чашечке весов аптечных.
Как будто взвешивала вечность,
что я такое и почему.

Потом – нырял на самый ил,
тянул, как шелк, руками воду,
всплывал куда-то к небосводу
в круг угасающих светил...

В клубы туманного сырца
все дальше уплывала лодка...
Все было неизменно, только
в той лодке не было гребца...

Концерт для гобоя и струнных А. Марчелло. Адажио

Пел гобой, со мной говорил
не сулил быломu правил.
Память, будто рыбку, вываживал
на прозрачной леске адажио.

Не судил, как сонный зоил,
возносил и синью поил –
высоко – и возможно выше ли? –
чтоб печаль – клином клин – да вышибить.

Как, Марчелло, вызнать ты мог
про мирок мой – ворох морок?
И пришел, не побрезговав логовом,
со своим торжеством барокковым.

Поднимал меня за собой
в голубое небо гобой.
Где-то там было Богу богово,
А мне – облако белобокoе.

Увлекал туда без труда,
где была мокрее вода,
где всемирное тяготение
тяготило намного менее,

где все можно было суметь,
где судьба еще не комедь...
Где та девочка с нотной папкою,
а грусть по сердцу – потной лапкою...

Поднимал меня за собой
в голубое небо гобой...

***

Промозглой серостью томя,
невнятный май бубнил и булькал.
И кариозные дома
сжимали горла переулков.
И желчь автомобильных фар
сочилась в пазухах и брешах,
и даже самый легкий фарт
был невезеньем обезврежен.
Печали квелые паслись,
жевали души человечьи,
как буйволы жуют маис
в каких-то мутных междуречьях.
И думалось, что сердце вскрой –
в нем только черное «не любишь».
Жизнь вяло принимала крой
фиглярских саванов и рубищ...

Но все-таки у гаража,
среди гниющего металла,
сирень, разбужено дрожа,
свое сиянье разметала.
Сирень цвела...
Сирень цвела!
И говорил лиловый шелест
про сумасшедшие дела –
весенний гон и рыбий нерест.
Хотелось, замерев, как столб,
махровым светом облучаться...
Засыпь, сирень, меня по лоб
своим распятеренным счастьем...

А ДАЛЬШЕ ЧТО?

Сентябрь в деревне

Уже светает поздно,
и холоден рассвет.
Сентябрь уже опознан
в желтеющей листве.

В тепла дневного леность,
в его тягучий ток
горчащая последность
влита, как йод в медок.

Таскает звезды теще
колодезный журавль,
возносит клювом тощим
цинкованный Грааль.

Уходит лето – спелось.
Все роздано сполна:
плодам и зернам – спелость,
а небу – глубина.

Из оболочки тесной
душа – тиха, нема –
той пустотой небесной
высасываема.

Сложу и вычту тоже.
Видать, пришла пора.
Считай цыпляток, теща.
Ни пуха, ни пера...

Песня пешки

Начавший резво некогда с е2,
легко перелетавший через клетку,
теперь я тело двигаю едва
на заданную новую отметку.

Игрок хватал меня, не тяготясь,
что может ошибиться ненароком.
Я не роптал, поскольку наша связь
являлась связью меж рабом и Богом.

Собратьев рвали черные слоны,
ферзь наезжал подошвою давящей.
Для нас, солдат игрушечной войны,
она была большой и настоящей.

Мы шли вперед, врубались в этот ад.
А правила игры нам обещали
покой ничьей, победы благодать
и чудеса восьмой горизонтали.

Не знаю, сколько душ я истребил...
Как пес, устал на скорбной этой тверди.
И в эндшпиль переходит миттельшпиль,
и жизнь моя наполовину в смерти.

Игра – модель. Но ведь и жизнь сама –
модель, игра, только ступенью выше.
И мой владелец главного ума
есть пешка в соответствующей нише.

Знать, правила придумали врали.
Напрасно мы мечтали об итоге.
Нет королев. И голы короли.
И пешки бесконечно одиноки...

***

Мое шапито, шапито, шапито...
Арена лежит под ногами.
Я – клоун, я вроде живой запятой
меж строчек привычной программы.

Кони в опилки копытами бьют.
Грохочут помятые трубы.
И астраханский танцует верблюд
с тавро инвентарным на крупе.

Вот фокусник, пьяный слегка чародей,
факир и колдун бессистемный.
Он кроликов тащит из шляпы своей
и пилит свою ассистентку.

А мне рассмешить целый мир по плечу
до коллик короткой репризкой.
Я плачу потешно и сальто верчу,
вишу на канате сосиской.

Но вот наступает тот миг...
Тишина
из струн ожидания свита.
Под небом тряпичным вскипает луна,
луна голубого софита.

Под куполом цирка являешься ты –
святая звезда надо мною,
гимнастка воздушная, из высоты
ты дразнишь томленья земное.

Ты падаешь, снова возносишься ввысь,
где свет бродит пеною винной.
Напрасно я руки воздел :«Не сорвись!»
Меня тебе сверху не видно...

Ты там, на своих поднебесных кругах,
плывешь, и маня, и сверкая.
А я – клоун Вася, чьи щеки в цветах,
ноктюрн на ножовке играю.

А я – клоун Вася, приклеенный нос –
тяну к тебе звуки металла,
плету тебе лонжу из медленных нот,
молясь, чтобы ты не упала.

И вот, раскачавшись, весь мир раскачав –
фальшивый, облыжный, недужный, –
срываешься...
И за границей луча
тьма гасит тебя равнодушно.

И зал выдыхает округлое: «Ох!»
И эхо столетия длится.
И светят софиты на алый цветок,
лежащий убитою птицей...

И я по арены пустому плато
иду одинокою тенью...
Я знаю, что лонжу не видел никто –
ту, что задержала паденье.

Потом выбегаешь ты на комплимент.
Заходится публика в раже...
Я нос оторвал. Больше клоуна нет.
Никто не заметил пропажи.

1982/2004

***

А дальше что? А дальше...
Эх, лучше бы не знать...
А дерева на даче
изображают знать,

напялили на ситцы
фальшивую парчу.
Пора с теплом проститься,
а я вот не хочу.

А дальше? Область сердца
заволочет тоской,
и стаи самоедства
в ней встанут на постой.

А дальше что? А дальше...
Когда б я ведать мог...
Знать, вальдшнепам с ягдташей
ронять кровинки в мох.

И набрести лососю
на роковую снасть.
Такое время осень –
спастись нельзя пропасть.

***

...Все шло, прямоходящий малый,
от первой крошки вещества
к прекраснейшей из аномалий –
душе живого существа.

Весь ход миров – и нерв, и мускул,
вся неустроенная суть –
все лишь затем, смешной корпускул,
чтоб в твое тело душу вдуть,

в непредсказуемость материй
вплести хоть тоненькую нить
желанья и уменья верить,
творить, надеяться, любить!..

***

На столе в саду забыли чашку.
Дождь в нее наплакал до краев.
Что-то нам с тобою, дождик, тяжело,
хоть скликай на помощь докторов.

Впрочем, обойдусь без эскулапов.
Прост диагноз, сам поставить смог –
просто осень в своих желтых лапах
треплет сердца мышечный мешок.

Многому учился-научился,
но не понимаю, как спастись...
Это ведь с меня срывают листья.
Это у меня украли птиц.

Многажды был питан этой ломкой,
а привыкнуть так и не сумел.
Ну, давай, крути меня и комкай,
мастер золотой заплечных дел.

Мнится или вправду голос свыше,
с кем-то разворованных небес, –
про трезвый интерес кладбища
на моей судьбе поставить крест?

Но имею долголетний опыт –
осень как-нибудь переживу.
Буду хлеб жевать, ушами хлопать
и топтать опавшую листву...

***

И кто ты, человеке? Верх творенья?
Ветвь тупиковая три миллиона третья?
Или какой там номер тупика?
Себя ты оценил бы трезво, парень, –
неловки руки, ум элементарен,
недолг век и память коротка.

Ты, как стакан, прозрачно предсказуем
царю, генсеку, слугам-рукосуям.
Да ты и сам – и смерд, и господин.
Един по обе стороны прилавка –
и суперстар, и глюкая козявка...
Напополам Пьеро и Арлекин.

Вот ты кричишь толпе, воздевши палец,
кто будет всем и что там юбер аллес –
в одном лице и вождь, и вертухай.
Тряся «Майн кампфом» иль берцовой костью,
ты вопиешь с рассчитанною злостью.
И из толпы ответствуешь: «Зиг хайль!»

И вот опять эпоха серовата.
И снова стая направляет стадо,
идеями упившееся вдрызг.
И как они посмели, в самом деле,
дышать и жить, и думать без идеи,
без гаммельнской сопелочки для крыс...

Я видел сон, что нас сменили крысы,
что наши кости белые обгрызли
и нашу кровь слизали, как обрат,
что настрочили книги, палимпсесты,
и что Крыстос христово занял место,
и что пасюк открыл эм-це-квадрат.

***

Из такси – «Н'экзистей па» Джо Дассена.
Мглистый пар и листьев па. Где ты, Сена?
Испарился драндулет, укатился.
День осенний. Сены нет... Закулисье.

Есть река – не отшучусь, – то есть Неман.
В нем разбухший мякиш туч. Небо немо.
Осень, ясности ссуди, Христа ради,
осыпаясь на сады, вертограды...

Что-то свертывает кровь в сердце сдутом,
яд какой? Болеголов – бишь, цикута?
Иль томит неясный звук – хочет спеться?
Эх, дери тебя хирург, мое сердце...

Я сижу, табак смолю на скамейке.
То есть жизнь слою свою на статейки.
Вон, у парочек из губ – милый лепет.
Ну а я – живой гроссбух – кредит-дебет.

Нотка прелого душка от асфальта.
Осень – драная мошна. Вот и сальдо.
Что сумел и что не смог – нету икса...
Промежуточный итог. Берег Стикса?

***

запишите меня на сентябрь октябрь ноя...
не даю обещаний дожить это тоже работа
Евгений Орлов

Октябрь разошелся – шумит, ревет.
Пьяна и фальшива живость –
обобран древесный его народ,
и роскошь отшелушилась.

Империя гибнет, ей срок – сойти,
как ни дели и властвуй,
за тысячью сгинувших византий
в осадок сусальных царствий.

А он, промотавший свой капитал,
трясет дерева за платья –
ссыпайте, убогие, драгметалл
к стопам моим супостатым!

И нет на него ни суда, ни узд,
и нет от него охраны –
ревущего в раже своих безумств,
как сумасшедший в храме.

Но вот, устав от больной гульбы,
по дальней бредет аллейке,
орясинам лепит на плечи, лбы
последние свои деньги.

И там, оставшись на пару с ним,
туманным уже, как призрак,
я словно всхожу на парусник,
покинув пустую пристань.

Несет меня в серости дымовой
бесплотный его корабль.
И знаю, что скоро вернусь домой...
но я бы...
но я б...
ноябрь...

***

Стужа мучила, а теперь
брызжет моросью оттепель.
Сырость скользкая в граде сем,
захмелевшем под градусом.

То ль декабрь, а то ль вдругорядь –
окаянная ноябрьдь.
Город плесени, талых жиж.
Ему зваться бы – Непариж.

А он горбится спинами,
пахнет мокрою псиною,
А проспекты-артерии –
в тромбах автоматерии.

Где-то пальмы и фикусы,
а у нас – накость-выкуси.
Над Парижем – фанера сплошь.
А у нас – только снег и дождь.

Братья прямоходящие –
будто ненастоящие.
И не так уж они прямы –
то ли хроменьки, то ль пьяны.

Город хлюпает и хандрит.
Ему зваться бы Немадрид.
Ах, ты город мой-городок –
чижик-пыжик от пьянки сдох.

Мрак чахоточный, волглый шарф...
И живешь, будто платишь штраф,
будто жизнью кому-то мстишь
(не себе самому ли, бишь?)

Всюду ложь – платяная вошь,
зваться б городу Покаврешь...
Но как он называется,
никого не касается...

***

Благодарю твой промысел, Создатель!
По жизни, им устроенной, теку,
как капля в токе миллионов капель
стекает в дождь по мокрому стеклу,

не то ль витаю точкой пылевою
по темноту рассекшему лучу.
Благодарю твою господню волю,
что жив пока, теку еще, лечу,

за каверзы судьбы и за кривизны,
за смех и грех, и лыко не в строку,
за все, что есть и будет в этой жизни,
за все, что смог, и все, что не смогу.

И за восторг спасибо, и за деготь
слепой непроницаемой тоски,
когда готов себя за сердце дергать
и рвать его на черные куски...

За женщину, проснувшуюся рядом,
за побежалость сонных ее глаз,
за то, Господь, что, в ласке нашей спрятан,
ты возносил над грешным миром нас...

Что дальше? Там, за разрушеньем плоти?
И как насчет бессмертия души?..
Пройду свой путь и растворюсь в природе.
А что с душой моею – сам реши...

***

...А под мокрою радугой –
дол зеленый смарагдовый.
Здесь все просто, легко и в лад.
И сам воздух зеленоват.

А лошадка под ивою
с ивой спутана гривую.
Глянeshь в небо высокое:
солнца около – соколы.

А в траве-то кузнечики
точат сабельки-мечики.
Чуть дрожит от дневной жары
воздух в искорках мошкары.

Тьму грунтовую проколов,
бьют там тысячи родников.
В небо вырасти нороя,
рвет себя из земли трава.

Не скорбей и не слез юдоль –
только воля и вширь, и вдоль.
Никаких нет вериг, тенет –
жизнь как в чистой воде плывет...

Если надолго пропаду
в темноте, суете, бреду,
бросит дух ли от божьих губ
за сатурновый хула-хуп –

все равно отыщу я мост,
чтоб вернуться сюда со звезд,
от харибд и от сцилл уйду,
улизну из котла в аду.

Коль не в нынешней жизни – пусть...
Доползу, дорасту, вернусь...

ТОЛЬКО ДОРОГА...

***

Постарел твой, мама, пострел.
Мир вокруг него посерел.
А блестел-то, мама, пестрел.
А летел ведь стрепет, летел...

Трепет был и свежесть была.
Высота была, купола.
И цвела ведь вишня, бела...
А теперь-то лишь лебеда...

Я теперь-то, мама, обрюзг,
как головопузый моллюск.
Аки неразумный полип,
к потонувшей барже прилип...

А вокруг мезга да лузга,
лезут тузики в тузы, мелюзга...
Может, и гордыня во мне,
но неверно что-то вовне.

Покрестился... Тушу свою
на четыре места солю –
а щепоткой-то в три перста,
да щепотка, мама, пуста.

Мне бы горло рвать в тропаре,
а я ус мочу в стопаре...
Ты прости меня за скулеж.
Я пойду уж...
Кладбище...
Дождь...

Бессонница

Бессонница. Бессмысленность. Бронхит.
Все кошки серы. А все звуки сиры.
В тюль занавески лунный гол забит.
А с центра поля начинать нет силы...
Давай тогда ударом от ворот.
(А судьи где? И кто они такие?)
Перед тобою в клеточку блокнот –
узилище для знаков ностальгии...
И хищный паркер, клювик золотой,
пошел пихать крамолу по ячейкам –
слова о том, что прожито тобой,
как будто о чужом или ничейном...

...И стало быть, футбол на пустыре.
Сурепку мнут мосластые эфебы.
А если говорить о вратаре,
то он глядит в клубящееся небо,
где серебристой молью – самолет.
Голкипер переводит взгляд свой долу.
Каемкой поля девочка идет,
несет в руке включенную спидолу.
И он закрыл глаза, и он ослеп.
В спидоле битлы средневолновые
кого-то умоляют, чтобы хелп...
И пахнут медом травы полевые.
Ему кричат, ругают – идиот!
Мяч за чертой добра и зла. И Бог с ним!
Она идет! Ах, как она идет,
ломая жизнь растениям медоносным,

на фоне посеревших облаков
и пустозвонной грубости пацаньей...
И платице из крыльев мотыльков
и чистых неизведанных мерцаний...
В других мирах – бессонница, луна,
тяжелое бронхитное сопенье...
А там вода во облацех темна,
а девочка светла и незабвенна...

Плацкарт

Плацкартный полууют.
Томится вагонный люд.
В брожении, в гомозне
гитарит, храпит во сне.
Гитару парнишка рвет –
вот новый, мол, поворот.
Тук-тук – сочлений такт.
По стыкам – так-так, так-так...
Тут спорят до хрипоты.
Там водочку льют во рты.
Тут-тук... подкидной дурак.
За окнами черный лак.
За окнами свищет черт
и свой у всего черед...

Та едет до пункта Б.
Что будет в ее судьбе?
А этот – домой, домой,
с повинною головой...

Тут влажно блестят очки –
слова, печки-лавочки.
И встречный летит, мыча.
И пот. Перегар. Моча.
Тут мощи вареных клуш –
закусочный гиндукуш.
Яичная скорлупа.
Эхма, шайтан-арба!..

Железное полотно –
растянутый знак «равно».

Вот сумрачный гражданин –
в себе, как в купе, один.
Он едет из пункта А.
Ему все равно, куда.
Дорога – пролог, затакт.
Катись, подкидной дурак.

Сколько таких дорог
затеряно между строк...

Вот женщина у окна.
Какая она одна...
Вся в черном с волос до пят.
И платье черно, и плат.
Глядит из своей беды
в материю темноты.

А в окнах живут, тихи,
прозрачные двойники.
А дальше ни мги, ни зги –
огромный кусок тоски.
Нести его – не снести,
изранишься до кости.
Таскать его – не стаскать...
Не тройка ты, Русь, – плацкарт.

Не высмотрите в окно,
что в жизни чему равно...

***

Маленькая рыбка,
жареный карась,
где твоя улыбка,
что была вчерась...

Н. Олейников

Как возьму я невод,
обую сапоги,
к морю выйду – мне ведь
хочется ухи.

Сетку заведу я –
а мне ль-то не уметь.
Рыбку золотую
запривечу в сеть.

– Что ж ты не игрива?
Почто мокры глаза?
Как живешь-то, рыба?
– Да, комси-комса...

– Я гляжу, и вправду
лежишь комса комсой.
Расскажи, как брату,
что с твоей красой.

Не блестишь парчово,
наряд измызган весь.
Аль совсем... (здесь слово,
стесняюсь произнести).

Говоришь с одышкой.
Простудные ль дела?
По сравненью с книжкой
сильно ты сдала.

Растолкуй, подруга,
разобъясни секрет.
Не реви белугой,
говори как след.

– Жизнь моя кривая,
как рыболовный крюк.
Стало быть, вдова я.
А одной – каюк.

Муж мой сделал ноги,
лохматый осьминог, –
убежал к миноге
да на ней подох.

Яду выпить впору –
проходу не дает
мужеского полу
каждый сукин кот.

Кобелячья ересь
весь день и ввечеру.
Мол, сыграем в нерест.
Мол, метнем икру.

Прижимал о дамбу
потейущий минтай.

Применила самбо –
а не наседай!

В яму спрячусь на тут –
сопливые бычки
тоже начинают
щупать за бочки.

Дети разбежались,
не пишут, не звонят.
Спит, как суслик, жалость
у моих рыбят.

Все ужо обрыдло.
Кончал бы донимать.
Аль тебе корыто?
«Вятку» ль автомат?

Бабу ль во дворянки?
Балбесу ли диплом?
Иль для ради пьянки
чемодан с баблом?

– Нет, треска-сардина,
хоть очень мила –
не затем удима
мною ты была.

Кончила рассказик –
прощу тебе грехи.
Я сказал ведь сразу,
что хочу уши...

Ветла

Пилили дерево, пилили
большую сильную ветлу –
не по трухе и не по гнили
тягали хищную пилу,
а по живым древесным жилам.
По сочной крепости ствола
пила с оскаленным нажимом
свои зубарики гнала.
То в торопливости собьется,
то вновь елозит взад-вперед –
все глубже в годовые кольца,
за годом сжевывая год.
И сообразно ходу стали
через прожитые дела
ветла, судьбу свою листая,
куда-то в прошлое плыла...
Как будто снова становилась
она трепещуще юна,
и возвращалась стану гибкость,
и радость – силе волокна.
Ей снился май – звенящ, скрипичен,
блестящ в ликующем дожде,
с листвы новорожденных личек
смешиннок сыпалось драже.
И ночи летние в том мире,
не сжатом зданьями с краев,
ее, как в вареве, томили,
густом от звезд и соловьев.

Там человечья неразумность
не покушалась на сады,
не наступали, пятась с улиц,
на них гаражные зады...
В момент свержения на плоскость,
в секунду разделенья с пнем
она припомнила подростка,
лопату, лейку, чернозем.
И сладкий ток земного жира
в зарытой сетке корневой
она почувствовала живо...
и перестала быть живой.

Чихал копер, бил сваю бабой.
Ревел начальник без причин.
Какой-то юный стебель слабый
геройски лез на кирпичи.
Начальник маялся ногами –
ну почему они мозжат?
Он обозвал трудяг врагами
и вышел из вагона в сад.
И будто блицевою вспышкой
день давний высветился в нем –
сажал он дерево мальчишкой...
лопата...
лейка...
чернозем...

Карусель

Скрипит карусель – не смазана.
Под скрежет и плач осей
несет – окаянная – нас она
по плоской планете своей.

Коняжки мы затрапезные,
укатанные совки.
Нам силою центробежною
выкручивает позвонки.

Не шаткие мы, не валкие,
пахавшие на износ –
лошадки переживальские
да зебры без белых полос.

В фаворе бычары, сявки ли,
а сивки кому нужны –
не знают законов тьякья
и жлобством не заражены.

Наш век завершился, кончился.
Почти не осталось сил.
Но наша смешная конница
уперла копыта в настил...

Кассир, пожилой, скукоженный,
из племени старичков,
чьи жизни в тоску створожены
за стеклами сильных очков, –

он без пассажиров включает нас,
когда надоест простой.
И наблюдает, покачиваясь,
наш бег по планете пустой.

В кафешке рядом триндит попса...
Он смотрит сквозь толщу линз.
И зреет в мутном глазу слеза,
большая и злая, как жизнь...

Романс (2). Драконий дождь

Сыпь, небо, звездные дожди!
Потоком драконид
спали любовь мою, дожди –
сама не догорит...

Зачем ей тлеть? Зачем вливать
ей смыслы в миражи?
Зачем расстелена тетрадь
над пропастью во лжи?

Зачем с сияющих вершин
спустившись в дебри дна,
добыть из радуг керосин
и уксус из вина?

Пытался сам... Кричал – вранье!
И гнал, и клял в глаза –
но грязь стекала в пыль с нее
бесследно, как роса.

Пока она как белый струг,
как птах у облаков,
зову запахнутостью рук
и жженьем желваков:

– Я для нее не та среда,
день трижды не седьмой.
Сойди, падучая звезда,
в проклятый сумрак мой!

Чешуйкой ящеровых кож
воздушный слой пробей.
Спали любовь, драконий дождь...
И душу вместе с ней.

1983/2005

***

Далекое соло сакса.
Звучит ли? Вообразил?
В горле образовался
шершавящий абразив.

Мелодию-самозванку
дослушать не тороплюсь.
Пинаю пустую банку –
пусть бонги подкрасят блюз.

Мотив, чей ты голос выткал
Из блюзовой размазни?
Дружки мои – Гинтас, Витька ль –
окликнули:
– Отпасни!

Но зря озираюсь. Глупость.
Их нет ни в одном из мест.
Их взяли суглинок, супесь
и круговорот веществ.

А, блюз, ты пищаньем куцым
не скроешь простую суть...
Мне есть обо что споткнуться,
но некому отпаснуть.

Давай-ка, погнись от песни,
злаченный ручной удав...
Когда-то мы будем вместе.
Я знаю, что в этом прав!

А в небе лилово-мокрое –
ужель они оба там? –
друзья банку с летним громом
пинают по облакам.

***

Я знаю, что скоро помру.
Пускай через годы – но скоро...
И хватит про эту муру,
не стоит предмет разговора.

А стоит про жизнь, господа!
Скажите мне, сделайте милость –
какие-то газ и вода...
И вдруг задышало, забилося.

Неужто сам хаос есть Бог?
Из прорвы веществ и попыток
создались и зверь, и цветок,
и танцы коралловых рыбок?

Какая-то пыль и песок,
и тьма несусветной мороки –
и нежен, и млечен сосок,
и брызжут в икринки молоки.

Углы суетящихся птах
на синем, безмерном, безуглом...
Песок, говорите, и прах?
Аргентум, силициум, плюмбум?

И листик осоки простой –
как он совершенен и точен!
И белою вымыт росой,
и желтой луною заточен.

И каждый живой механизм
сработан и ладно, и носко.
Его повторить замахнись –
не хватит ни века, ни мозга...

Ведь ты, гражданин инженер,
перед этим – шумер или пуще...
Дикарь из бетонных пещер
в кирпично-асфальтовой пуще.

Песня о кукушке

Погадай, кукушечка, для того поручика,
что лежит, уткнувшийся в грязное жнивье.
Может быть, задышит он – у него получится.
Может статься, выдюжит да и поживет.

Для того для юнкера погуди, зозулечка.
Перед ним вражин рядок, за спиною – ров.
А ну как обманется весь десяток пуль ЧК –
малый раны вылечит, будет жив-здоров.

Из густого ельника, из леска соснового
покричи солдатикам многия лета –
для штрафбата драного
да для Ваньки-взводного,
чья парная кровушка немцем пролита.

Птица ты скаредная, отмолчалась, серая...
Треплет ветер северный праздничный кумач.
Черепя и косточки преют под посевами.
Не кукуй уж, дурочка. Помолчи. Поплачь...

И слеза кукушечья сорвалась и падает
на поляну мшаную, в солонь леса...
Эх! Горька Россеюшка – ни клочка, ни пяди нет,
где еще не пролиты кровь или слеза...

Бега

Гуд бай, забота и зевота!
Хоть не надолго, но гуд бай!
Шумит февральская суббота –
бега на озере Сартай.

Мороз такой – прогрыз нутро бы.
Спасай, казенный сиволдай!
Гуляй, Литва! Топчи сугробы,
утробы снедью набивай!

Чем хочешь можешь насладиться –
едины зрелище и хлеб.
И пряник в виде кобылицы
единству этому – как герб!

Прорвемся к беговой дорожке,
минуя лавки и лотки...
И кони мчат по снежной крошке!
И пар! И саночки легки!

Гляди – бегут, кауры, серы
и вороны, и вороны!..
Им не сорваться с карусели,
к которой приговорены.

Привязанные свичкой, бытом,
веленьем правящей руки,
мы все кружимся по орбитам –
планеты, люди, рысаки.

Назначен шаг, и жмет подпруга...
Ну, хоть бы раз решиться, чтоб
порвать вожжу, скакнуть из круга,
с трусцы сорваться на галоп!

И конь, гнедой, как мавританец...
Он вывернул возницу в снег
и – в три креста, в аллюрный танец!
Всех впереди!
Свободней всех!

Спеши, дружок, твори свой подвиг
под улюлюканье и рев!
Скачи за всех, за нас, за подлых
холопов, смердов, холуев!

Лети, возок свой кувыркая,
как маслом, солнцем орошен...
Эх, воля! Вот она какая!
Ах, Боже мой, как хорошо!..

***

А давай все начнем сначала.
Что ты маешься и грустишь?
Смимикрируем от печалей,
эмигрируем от скучищ!

А поедем на сине море,
да и за море уплывем –
эх, под смоквы и сикоморы!
Ах, за надцатый окоем!

Будем мчаться, переноситься,
в травы падать и в горы лезть.
Будут сахарные столицы
марципановых королевств.

Будут пагоды золотые,
будут ласточки в небесах –
словно юркие запятые
Боже радостный написах...

Сочиню, если нету денег...
Ты увидишь, закрыв глаза,
сине море и дальний берег,
крылья, облако, паруса.

Ну, поплыли, отдать швартовы!
Бриг приветствует госпожу!..
Я люблю тебя.
Будь здорова.
Очень-очень тебя прошу.

***

Только дорога, только...
Облако-зверь над ней
держит луны фасольку
в выдохе из ноздрей.

Просто дорога, просто
черен сырой асфальт.
Прочее под вопросом.
Только дорога – факт.

Долго ль еще? По мне, хоть
вечной будь, благодать, –
ехать вот так и ехать,
за спину путь кидать.

Заспанным и небритым
мчаться во тьме ночной
в этом авто, набитом
памятью и мечтой...

ЛИВЕНЬ СЛЕПОЙ

* * *

Доказывай всем, доказывай,
что ты ни эник, ни беник,
и что в период докассовый
не тырил казенный вареник.
– На вас поступают жалобы
с подписями – на лист.
Что не верблюд – где алиби?
Сутул ведь – давай колись!
– Уж не левша ли часом-то?
Не жид ли? Не гей еси?
И почему пел басом «до»,
когда все тенором – «си»?
Флажок держал ли? А был он ал?
А в ту ли дудел дуду?
А под стрелю не ты ль стоял
В ...десят лохматом году?
– Не я, начальник, и фото вот...
Виза. Прописка. Штемпель.
Взгляните, товарищ мордovorот,
я прост, как электроштепсель.
Хлопал со всеми и чавкал в такт,
и в урну кидал что надо.
– Контакт? Пожалуйста, есть контакт!
Не надо? И нет контакта!
Все как положено. От и до.
Я не верблюд. Я кляча.

И только во сне свое нижнее «до»
кричу... И лечу... И плачу...

Считалочка

Кто ты будешь такой,
за утекшей рекой,
за последнею осенью в рощах?
Никого нет на том
на крыльце золотом –
ни царя, ни портного, ни прочих...

Нет в реке пескарей.
Отвечай поскорей.
Не растрчивай времени мелочь...
Лает пес, голосист –
взгляд от бельм серебрист...
Не узнал – это ж я, королевич...

Ах ты боженьки мой,
как запахло зимой...
Нет у даний ни манны, ни мани...
Немец выпил стакан,
спрятал ножик в карман
и навек растворился в тумане...

Спас

милая кто мы где мы
в дыме воде эдеме
в демоновы ль пределы
перелетели мы
это волна лимана
это во льне поляна
тема из телемана
топкая пыль луны

явор ли и омела
якорь и каравелла
если бы и хотела
не убежишь держу
ежели и изрежусь
глупой душой о нежность
радостна принадлежность
сладостному ножу

вместе с тобой летаю
выше всех алатау
к альфам и вегам тау
астровым берегам
словом привязан самым
шепотом прикасанием
сказанным несказанным
прожитым по слогам

ноют горбы горбатых
реки шумят в карпатах
тень на твоих лопатках
свет на твоих щеках
радость моя истома
яблочная оскома
первые струи шторма
в перистых облаках

милая где мы кто мы
кем мы с тобой искомы
солнцем ли что из комы
приоткрывает глаз...
птичьим колоратурьем
поезда ревом турьим
августа неразумьем
что никого не спас

божье преображение
в мире несовершенном
в щедрость плодоношенья
и хоть немножко в нас
альфа моя омега
мекка моя онега
небо мое и нега
будто в последний раз

***

Ходить и щуриться на свет
на фоне парковой природы,
где воздух к полдню разогрет
до благодной температуры.

Без постной мины, без личин –
ну разве что глаза заужу...
Осенним светом облучить
свою растрепанную душу.

И просто называть – не вслух –
приметы видимой картинки:
скамейка, лужица, лопух
и паутинки, паутинки...

Следить за летом голубков
сквозь желтое и голубое.
И хмель несделанных глотков
дрожащей чувствовать губою.

***

...Потому что осень.
Скажем – не жара.
Потому что восемь
часиков утра

Потому что иго
выходного дня,
а в кармане фи́га,
а в душе фи́гня.

Тихо потому что...
Не жилье, а скит.
Потому что мушка
между стекол спит.

Потому что зяблик
скачет у крыльца,
щеки палых яблок
тронула гнильца.

Потому что лето
промотал вразнос.
Вот тебе ответы.
Подождем вопрос.

Журавли

Курлы-курлы... Ну да.
Все правильно. Пора уж.
С болотного кута –
туда, где мир сверкающ.

Огромные углы
великого кочевья...
курлы-курлы-курлы...
несмазанно-качельно.

Окстись, Вован, коли
на вилочку салями.
Почто нам журавли?
Фиг с ними – с журавлями...

Они лишь краткий знак,
сезонный символ веры,
что можно на крылах
вот так – через барьеры.

Но все же сердце жмет,
когда над желтым лесом
они ведут полет
раздвоенным порезом.

Оскомина в зубах.
И нет лететь резонов.
Ну, разве что в зобах
дюралевых драконов...

Они – курлы – свое...
В руке синица сдохла.
И злое острие
прокалывает горло...

И тишина потом.
И первые снежинки.
И в воздухе спитом
грачиные чайники.

***

...И больше нам не быть вдвоем –
мечтой себя не изводи.
Меж пристанью и кораблем
все шире полоса воды.

Машины крутятся враздрай
и вертят утлый шар земной,
на место возвращая рай,
навек закрывшийся за мной.

Пролива черная вода
мертва, как деготь или клей,
а в ней пустые невода
и прах сожженных кораблей.

Разлукой воздух заражен.
Прокишим хлопком безнадег
зовущий берег заращен
иль в водяную бездну стек.

Лишь ты – как звездное пятно,
сияющее на молу...
Куда плыву я – все одно...
Ни жить, ни сгинуть не могу.

Песня мима

Вот он я – гуттаперчевый мим.
Вот моя невеликая тайна –
я устал переделывать мир
для счастливого в нем обитанья.

Нет сил, применяясь к нему,
улыбаться раскрашенной рожей –
я себя у него отниму,
скрывшись в белых кулисах пороши.

Было так – каждый нерв ликовал.
И светилось, и жгло, и щемило...
А теперь горше леонкавалл,
и грызет за грудки ишемия.

Верил я в пасторальный мотив –
мол, добро и любовь, и свобода.
Не заметил, как этот наив
обернулся безумьем испода.

Биться в нетях, бояться шлепков,
рвать в лапшу перебитые жилы
за отрыжную медь кошельков,
за смешок, колыхнувшийся в жире...

Анно домини две тыщи пять –
год-бодун, понедельник, расстрига...
Мне сумеешь ли тебя дощипать
до курантов шампанского мига?

Я отказник от вер и надежд.
Черт к душе припечатал копыто.
Здесь предательный правит падеж
и глаголы совравшего вида...

Ухожу, доиграв эту роль.
Шар земной сквозняком раскачало.
Снег идет. Анно домини ноль.
И, быть может, удастся – сначала.

***

Будто все окончено,
и начаться нечему...
Кружит птица ловчая...
Плачет птица певчая...

Растворили грешника
лес и берег Немана.
На листок орешника
мое сердце меняно.

Кровь теперь створожена
в барбарис, рябину ли.
Празднуй, заполошное
племя воробьиное.

И уже беспаспортный,
и никем не узанный,
и умею запросто,
быть и сном, и музыкой.

Над своими милыми,
над прощеным ворогом
бить умею крыльями,
плыть умею облаком.

А душа проточная,
от тумана млечная...
Плачет птица ловчая...
Замолчала – певчая...

***

Пропадай, зеленый цвет,
до последнего процента,
наступай, дремучий бред
цвета грязного цемента.

Сквозь безумную гульбу
октябрешего мидаса
привечаю голытьбу,
обнаженность до каркаса.

Здравствуй, курочкина рябь,
разлохматившая лужи,
тороплю тебя, ноябрь,
наступай на наши души.

Как торопит ката тать,
упакованный в железо, –
начинай уже пытаться,
закавычивать и резать...

Лучше раньше, чем потом.
Вивисектор, не томи же...
А за котом – суп с котом...
Нет, не спрашивай, не вижу...

***

Ливень случился слепой,
праздничный, раззолоченный.
Падай, рассказывай, пой,
медленный мой, алычовый.

Лей на камыш-очерет,
брызгай на крылья касаток
овеществившийся свет,
солнечный жидкий осадок.

Радуйся каждый простак,
вечно желавший охотник, –
небо в фазаньих хвостах,
пестрых, лоскутных, лохмотных!

Ливень, дружище, браток,
дай своей пенистой влаги
высохшим лонам проток,
мутной кринице в овраге.

Дикий омой виноград,
путайся в пене кичима.
Все поправимо, мой брат,
так или сяк излечимо.

К ТОЙ РЕКЕ...

***

И направо лень, и налево лень.
Как полено сплин. Буратинов плен.
Тишины еще бы пяток минут.
Чтобы слышать – трут шелкопряды тут.
Чтобы слышать – прыгнул в реке малек.
Чтобы дождь и теплый, и в щель натек...
Чтобы дом дощатый, огонь в печи.
Мышь запечная, громко не топочи.
Чтобы мысли нетрудные, ни о чем...
И не надо, пожалуйста, жизнь ключом.
И не нужно, милые, папа-Карл...
Пусть он с Кларой там, про кларнет-коралл...
Чтоб без выбора чем, и куда, и как...
Отцепи ты перья свои, Икар...

Тетя Тоня

В тетитонином жильё
всюду мази и таблетки.
Книга «Двадцать тысяч лье...»
на корявой табуретке.

А эмблема у лекарств –
обвила бокал гадюка.
Гадость гнать посредством гадств –
изуверствует наука.

За стеной сосед шумит.
Нет – напился, спал бы с миром...
Хоть пока не инвалид,
но он тоже трачен змием.

Тетю Тоню бьет озноб,
а она смеется только:
– У меня внутри сугроб.
Баба снежная – не Тонька...

Даже летом по жаре
вся в цигейке и ватине...
– Лучше в душной кожуре,
чем в холодной домовине...

Ходит трудно, как матрос
в крепкий шторм по пароходу.
– Ну, рассеянный склероз,
замастырим цирк народу!..

Соберется иногда
дошагать до гастронома.

Двадцать тысяч лье туда,
двадцать тысяч лье до дома...

Шутит с теми, кто над ней
льет жалельные рыдания:
– Мой склерозанный рассей –
это так, недомоганье...

Улыбнется:
– Е-мое!
Да катись оно все комом!
Было б небушко сине,
был бы хлебушек сладомым!

...Мне от роду семь годков.
Жаждет воли дух пацаний,
но кошмар чистописаний
дать мне волю не готов.

То есть прописи пишу
под присмотром тети Тони.
За окном – футбольный шум.
На плечах – ее ладони.

– Ты не ерзай, милый друг!
Все напишешь – и тогда уж
левым крайним встанешь – ух! –
этим олухам покажешь...

...И синеют небеса.
В жизни все легко и ясно...
А на слове «мама» – клякса,
тетитонина слеза...

***

Это будет о том сочиненье,
как гремят поездов сочлененья,
как сырой паровой завиток
лижет соль с неприкаянных ног,

как жует электрический голос
свою присную пресную новость,
и как ражий метет молодец
по перрону обломки сердец,

как в мертвящем ознобе неона
человеки стоят у вагона,
безымянные он и она –
все на свете у них имена.

Холод светится в ламповых колбах...
Двое грешных, смешных, разнополюх
улыбаются и говорят,
а в глазах – фиолетовый яд.

А за станцией мрак одинаков
с тьмою прошлых и будущих мраков –
этих здешних, особых, сугубых,
закипающих в рваных согубьях,

в черных дырах разъятых соглазий...
Этим мраком финал и закрасим.
Как ни пыжься, как зенки ни мой –
все на свете кончается тьмой...

И о том светофоре, который
поезд бьет, как дракона – Егорий,
световым своим красным копьём,
и заходится поезд вытьём...

И остался товарищ курящий –
смотрит, как вымирающий ящер.
Да не вымрет, поправится, чать, –
сочиненьями жизнь начинать.

***

Ведь это точно когда-то было...
Рисунок серый – в карандаше...
Утла подвода, худа кобыла –
в тумана кашице, густыше.
В телеге той я лежал, колышим,
в сенные вдавленный вороха,
осенним паром, в жавель закисшим,
забит по самые потроха.
Возница – дедушка однорукий –
спокойно правил сквозь ветровал.
Он был недвижимый и беззвукый –
клубы табачные выдувал.
Плыл скрип колес, тишину тревожа,
тягуче-медленно, как в клею,
и дым с туманом по конской коже
стекали в черную колею.
Так мы катили, не шибко ходко
(для нашей клячи – во весь опор)...
Я думал: «Дедушке надо б лодку,
а мне, любезному, – в рот обол».
И вспоминался недавний сон мой –
душа болела во сне, хоть в крик.
И шли ко мне эскулапов сонмы,
и говорили, что ей кирдык...

Заговорил, наконец, возница:
– Ты разумеешь, – сказал, – сынок,
бывает у сырасць такую сница –
саднит клешня-то, помилуй бог.

Ага, отрезанная зараза,
во сне-та есць она и болит.
Я мол до фельшера ен адразу –
атрит гаворыць ци ангидрит.
Гадоу пятнацать руки не маю.
Не смог бы мабуць с двумя ужой...

Я понимаю, дед, понимаю.
Похоже, как у меня с душой...

Поговорили мы, замолчали.
За нами двигались в молоке
фантомы боли, мечты, печали
к тому кордону и к той реке...

Черный аист

В зените висит, паря,
очень большая птица.
На правом крыле – заря,
на левом – кипят зарницы.

А крылья черней, чем прах
в степени чернозема...
Кружит одинокий птах
замедленно, невесомо.

Забыл козодой кричать,
иволга смяла мессу,
когда свою тень-печать
прижал черный аист к лесу.

Ой, братцы, внутри сосет!
Что-то сбежать стремится
и в этот взойти полет,
совпасть с поднебесной птицей.

Дерет, как из влас репей,
силой невыносимой
болящий комок скорбей
и к перьям влечет иссиним.

Цицония нигро* мой,
злое, гнилое, крысье
всоси в этот ток прямой,
что вон – из груди открылся.

---

*черный аист (лат.)

Из каждого, кто внизу,
вытяни гумус тмящий,
сокрой в неживом лесу,
трясиной залей дымящей.

Неси в непролазность чащ,
в клятую топь гнездовья
злодейства и детский плач,
сиротство и лихо вдовье...

Но как по фанере кнут –
выстрел прервал молебен!
И эха горючий трут
с шуршаньем сгорел на небе...

Я к птице спешил, бежал,
долго стоял над нею...
И сотни пчелиных жал
кололи и жгли трахею.

Ну, что ж ты, взлтай скорей!
Ввысь, к облаков кудели!
А егерь сказал – в музей...
А егерь вздохнул – велели...

Он старый, один давно,
к югу лететь не сдюжит...
Эх, егерь, в глазах темно...
И черные лапы душат...

***

Будто долго плыл
по подземным рекам –
пропитался весь я с головы до пят
темным млеком их, карабасьим эхом,
о пороги бит и породой мят.

Был ли в битум влит – переделан в жидкость,
аль вкатали сивку да в асфальт катком...
Или просто Бог проверял на вшивость,
заменивши кровь черным кипятком.

Долго выползал, просыпался трудно –
по отдельной клетке и по волоску...
Вроде бы живу – доброе вам утро...
Серый киселек булькает в мозгу.

А зачем, дружок? – сам себя пытаю, –
чтобы эта лямка...
чтобы даждь нам днесь...
Есть ли где-нибудь счастья запятая –
или только тьма многоточий есть?..

***

Стужа была – опричь ее
не было сил иных
в мороках безразличия,
ватных, волосяных.
Голое заоколие
души заволокло –
внутренняя монголия,
стылое толокно...

Но покачнулось, тикнуло,
клюнули капли снег,
глянула ртуть на лик нуля
и – побежала вверх.
Речка в ладони дельтовой
стиснула острова,
так напряглась от этого –
лопнули рукава.
Льдины ломая на части, как
вафельные круги,
сдвинулись в вешних часиках
оси, храповики!..
И понеслось, забулькало,
синь разлилась, разя
ярко и незабудково
пасмурные глаза.
Золотко мое, золото,
ходит все ходуном,
холода тело колото
мартом-хохотуном...
Милая, мука кончилась,
с говором талых вод!
В воздухе колокольчики,
радостный кислород!

***

Ты не верь, что из праха – в прах.
Верь, что смертью смерть поправ...

Живы те, кто ушли навек,
у излучин небесных рек,
возле тех заревых озер,
где лазоревый белозор,
среди сияющих тех долин,
где ни веса, ни дат, ни длин.
Нам – года суеты, докуч,
а у них – только краткий звук.
У нас дрязги и лязг мечей,
а у них - лишь звезда в ручей.
Наших рук невелик растяг,
а у них там – миры в горстях...

Им доступна такая вещь –
к нам прийти, долететь, протечь
речкой, дождиком ли, травой...
Но уже никогда – собой.

***

А над Нерингою* гуси летят
параллельно берегу, в ряд.
А верней, не ряд у них – это клин.
И куда ни кинь – всюду синь.

А я с мола рыбку ужу.
А вернее, за гусями слежу.
Ты не прыгай по воде, поплавок, –
мне весна подула в манок.

А ты рядом, близко стоишь,
на гусей с улыбкой глядишь –
как они летят, гомоня,
а вернее – на меня, на меня.

А в глазах твоих искорок взвесь.
Или гейзеры в них звезд-бетельгейз.
И такая ты весенняя вся,
что весеннее придумать нельзя.

Я тебя руками обвил,
вот, небось, помру от любви.
А коль выживу – то лишь потому,
что еще сильнее обниму.

---

*Неринга (ударение на первом слоге) – общее название населенных пунктов на литовской части Куршской косы (Нида, Прейла, Пярвалка, Юуодкранте, Смелтьине)

СИМ СООБЩАЮ...

***

Итак, ты выжил после детских драк
и шалопайства пубертатной зоны,
не променял здоровье на кабак,
азарт и шаловливые гормоны.

Ты избежал проказы и чумы
(а от нестрашных немочей излечен).
И пусть не лез в высокие чины –
зато и плаха чавкала далече.

И не спешил ни «за», ни «супротив».
На кухне ересь гнал по мелочевке.
Из-за тычка, к примеру, суп пролив,
весь мир бранил за тесноту хрущевки.

Ты простоял, как ботик на мели,
неладность даний, да и ладность тоже.
И не тебя к помосту отнесли
четыре вертухая менторожих.

О мудростях скрижальных не вещал
и не творил кумира из крамолы –
к событиям, людям, истинам, вещам
нетрудные прилаживал глаголы.

Ведь ни к чему к богатству ладить гать
и лезть во власть, расталкивая челядь,
чтобы любить, мечтать и горевать,
терпеть, страдать, и помнить, и лелеять...

***

...На пруду кораблик,
а у пруда – сад,
сотни красных яблоч
спелых висят.

Плавает. Затем он
выструган – корабль.
Из дощечки сделан,
лучше – кора б...

А ведь это я – он,
капитан-малец.
Смотрят из-за яблонь
мать и отец.

Солнечное масло.
Я в нем невесом.
И душа согласна
с телом во всем...

Поднебесный коршун,
погодил бы, чать,
мне не о хорошем
плакать, кричать...

Но он крикнул, подлый,
стало таково –
мутный пруд, а подле
нет никого...

***

Дорога когда-то была рекой.
Был этот берег, и тот – другой.
И русло – пусть не прямое,
но устье втыкалось в море.

Ей нравилось это – струиться, течь,
лететь на плесы с порогов плеч.
Ворочать камни и даже
яры сокрушать и кряжи.

Имела мели, стремнины, глыбы
и тени томных и стремных рыб –
тот жерех, глушивший молодь.
Спасайся, малек, не то ведь...

Тот сом осовелый, безус подуст,
налим оробелый, щупак-прокруст.
И кто-то короткий очень –
той щукою укорочен...

К реке подходили леса густы,
клубились, кадили над ней кусты,
А ивы береговые,
ломали в молитве выи.

Олени стояли, топтали ил –
туман олененок из лилий пил –
и шли поперек теченья,
неся на рогах свеченье.

А серые цапли да белых две
плясали на молодой траве,
над пустошью в красных лозах
рубил крылами воздух...

Неясно, кто там – Бог или черт –
замыслил речек переучет,
все посчитал – в итоге
зачахли реки истоки.

Она захирела и зацвела,
потом пересохла – и все дела.
Гудронным дымящим суслом
залили сухое русло...

Ржавье драндулетов и фур моща –
по рыбьим скелетам, рачков мощам.
Среди все того же леса –
грохот, бензин, железо.

Зачем ты, дорога? Куда? К кому –
По перламутру моллюсковому?
Наверно, благое дело,
если б не так болело...

Я тоже жизнью живу чужой
с заасфальтированной душой.
Какие там перламутры –
одни только нетто-брутты.

Все – только трафик, грузопоток.
На остальное не зявь роток.
И сердце все в красной нефти,
как рыбный в томате тефтель...

***

...В эти дни спокойно и дождливо.
А в саду, охваченный божбой,
август переспелого налива
бьется оземь яблочной башкой.

Будто враль, ударившись в моленье,
в коем показушно нарочит,
под ногами садонаселенья
в почву горьким темечком стучит.

Обманул спасенье обещавший,
но и сам не смогший обрести...
Так лежи, хмельной и обнищавший,
и с последним семечком в горсти...

Зря это я – глухариный поклеп заладил.
Мне о тебе бы весть – хоть придумай сам...
Где ты теперь, у заливов каких Зеландий?
Нов ли твой Йорк и вполне ли Франциско Сан?

Знаю, где ты – там всегда синева и солнце,
винной лозою становится лебеда,
носят сомбреро туманные альбионцы,
и самоеды смеются, себя едя.

Сим сообщаю, что тоже уеду скоро.
Отца переводят. И мне, стало быть, за ним...
Ладно, прощай! Это все ерунда, умора –
что из зимы никому не отправил сим...

***

Улягусь и выдохну этот день.
Прощай, уходи, стихай...
В утекшую реку сигай, таймень!
Непойманный мной, тикай!..

Отбыл, отсидел, откорпел, как раб...
Вся жизнь из сплошных лакун.
Сбегай от меня, беззаботный краб,
в зеленый восторг лагун!

Жар-птица халявы, где был твой хвост?
Схватил бы – и жил, как бек.
Но мне дороже – он туп и прост –
друг – жареный кукарек!

Хребет мой стертый, усталость спрячь,
в постели оцепенев.
И ты усни, проводник удач,
седалищный крепкий нерв.

Расслабьтесь, шейные позвонки.
Кончаю считать овец...
Картина Репина «Бурлаки...»
Один из них спит, подлец.

***

Октябрь. И вроде, все понятно...
Листва летит, желта и ала.
И эти солнечные пятна,
разбросанные как попало...

В зените гуси говорили,
сносимы ветром поперечным,
о быстротечном счастье или
о чем-то медленном и вечном.

И прогудели, замолчали,
пропав в небесном купоросе.
А ты глодай свои печали,
решай проклятые вопросы.

И слышать ты не перестанешь
вокруг летящую несущность
от кратковременных пристанищ,
из сущности в иную сущность...

***

Зое

Жизнь была – овраг.
А в овраге – мрак
даже в полдень любого дня.
Но зажглась у дна
звездочка одна,
и звезда та – любовь моя.

Я нашел звезду,
я ее несу,
я несу по судьбы мосту
за верстой версту,
за весной весну
в неба самую высоту.

Трудно мне нести
этот груз в горсти –
столько света и боли в нем.
Милая моя,
полюби меня –
понесем мы его вдвоем.

* * *

Я от гриппа прилежно лечусь...
Сквозь недоброе марево хвори,
как по мутному небу, лечу,
как в Саргассовом плаваю море.
От всего отрешусь, отлежусь,
сбросив крест суеты и мороки.
Отвали, законная жуть, –
сырость, мороки, гоги-магоги.
Сквозняки прилетают ко мне,
лижут щеки, шушукают что-то
и материю штор на окне
возмущают игрушечным штормом.
Ног не двинуть, а руки – едва.
В скорбном ливере горечь и смута.
Чижикпыжикова голова
ерундою кипящей надута.
Гуды в ней, голоса и звонки
и какая-то ворвань тюленья,
и пигмента в воде языки,
и сандаловых палочек тленье.
Смежив веки палимые, жду
откровения, знаменья, знака,
что написано мне на роду,
в чем какая зарыта собака.
Вот прольется во тьму моих глаз
свет божка, фетиша ли, интруза,
запоет электрический глас
из глубин истуканьего пуза...

Зря губу раскатал, голубок, –
ничего не случится, однако.
Не засветится Будды пупок,
и не будет отрыта собака.
Не научат ни дух, ни пророк,
не рассмотрят в дымящемся чане,
где искать мне удачу и прок
и какой опасаться печали...
Так что я, отвалявшись в поту
и осилив недолгую немочь,
с головою нырну в суету –
профпригодный, здоровенький неуч...

Сказка старого двора

Приснилось давнишнее...

Вот ведь – пожалте бриться...

Фокусник странный явился в наш старый двор.

За ним в подворотне осень жевала листья,

и пар источался из дырок, щелей и пор.

Во фраке помятом, измызганном –

матка боска...

Вялый цветок в петлице посмертно ржав...

Штанина кальсонная – ода и гимн обноскам –

на шее висела, как гарусный гордый шарф.

Мальчишки смеялись:

– Барон! – хохотали. – Князь он!

Смех набивался в уши, как колкая чешуя.

А он то и дело, нервически дернув глазом,

вышептывал фразу такую: «Вобюл ущи я».

Я думал, что это просто присловье, типа

«сим-салабим», «фокус-покус» –

словесный пасс...

Да что ни скажи, что ни делай – все будет липа,

эрзац-чудеса для забитых народных масс,

для этих для темных, окраинных, как горбушка,

добрых моих соседей – Господи, их храни!..

Для давленных, молотых в мялках

и крупорушках

жестокой эпохи любимой, но злой страны.

В высокую шляпу-цилиндр

(а в ней космос ухал)

МНЕ ПОМНИТСЯ ТЕПЛО

* * *

Утро промозглое. Окна в испарине.
Пальцем веду по росе завиток:
он повторит очертанья Испании,
иль, может быть, италийский сапог.

Там у них солнце в тосканах с веронами,
в душах оно и в стаканах оно...
В нашем райцентре с тоской и воронами
солнце еще не изобретено.

Только туман – протоплазма кефирная.
Реки пригрежу – в них небо плывет...
В наших гвадал-понимаешь-квивирах-то –
лишь исковерканный мартовский лед.

Но ничего. Мы дотерпим, мы сильные.
Кажется, чую в воздушных намеках –
скоро разверзнется синь над осинами
и над припеком завьется парок.

Скоро в наш край, пустотою затаренный,
столько набьется страстей и тревог,
что этот мир окаянно-окраинный
целую зиму представить не мог.

Двигается сок, и живица, и жижица
талого снега язвит башмаки.
Скоро уже в этом мире задышится,
как и в раю задышать не могли...

Всю несерьезность вложивши в усилие
(встречный пускай хохотнет надо мной),
пну, как сапог апеннинский Сицилию,
в ноги попавшийся ком ледяной.

* * *

Был март?.. Мне помнится тепло.
Был день воскресный – спи, блаженствуй.
А нас желанье путешествий
прочь из уюта понесло...

Автобус был такой-сякой,
труба по радио и бонги.
Долгоиграющей бон-бонки
кристаллик таял за щекой...

Ну да, был март. Или апрель?
Вокруг все плакало и пело.
Автобус нес два наших тела
среди прочих пассажирских тел.

Была начальная весна...
Дождь сыпал бисер и стеклярус,
и нас не «ЛАЗ» или «Икарус» –
любовь на крылышках несла.

...Ну, что ты споришь, не шуми.
Все было именно в апреле –
крестьянский рынок, вроде, в Пренай,
и пряно пахло лошадьми.

И мы ходили среди мешков,
граблей, фиглей и ковырялок,
вдыхали чистый запах яблок
и мутный хмель от мужиков.

Мы накупили пустяков –
морковь с капустою, допустим...
И трех детей нашли в капусте,
играясь с рифмою к «морковь»...

* * *

День пришел, дождем шипя...
Понедельник,
мне бы взять назвать тебя –
полетельник.
Не электриком месить
вольт в ампере,
взмою, как паучья нить,
в эмпирии...
Или, скажем, на манер
малой тучи,
улечу я, инженер,
улетучусь...
До зарплаты или хоть
часик лишний
пусть меня отпустит плоть
к сферам вышним...

Зебра – это коль надел
пони тельник.
А коль дрыхнет весь отдел –
понедельник...
Не настанет никогда
уикенда.
Даже милая среда –
как легенда...
Перегарный аромат,
мяты лица...
Боже, дай мне автомат –
застрелиться...

* * *

Апрельский туман – вороха меховые,
а в них и бормочущий берег реки,
и медленных крыльев шумы маховые,
и ветки, растущие вперегонки.

Я знаю (хотя и беспомощно зренье,
но слышу и все-таки вижу почти):
растут, и летят, и гудят оперенья,
и хочется тоже лететь и расти,

прорваться туда, где за мокрым покровом,
за паром летучим, за странствием вод
заря насыщается замыслом новым
и новой земля на заре предстает,

туда, где за белою тканью и тайной,
за газом и сглазом, медузьим желе –
порыв и желанье, любовь и летанье,
и реки бурлят, и весна на земле.

* * *

Тут не заладилось, там не пошло, обругали.
Плюнул-растер, умотал налегке к реке...
Вот бы и мне так – струиться меж берегами,
не отвлекаясь на поиски смысла в кавардаке.

В этом спокойном упорстве и есть сермяга –
течь несмотря, а быть может, и вопреки...
Стянешь мосты ли, ремни ль – и терпи, салага...
Выпало жить – так живи, шевелись, беги!

Ни тебе подписей жирных, бумаг-печатей,
клерков, как овны, бебекающих отказ.
Есть лишь поток, чистоглазым ключом зачатый,
есть только русло, которое в самый раз.

Бог с ними всеми – врагами и дураками!
Деревья навстречу выходят – привет, река!
Машут они тебе поднятыми руками,
над головами подбрасывая облака.

Дети купаются, мечутся береговушки,
лето летит, и колышется, и плывет...
Будь я рекою – на лодочные горбушки
стрезнем бы мазал закатный небесный мед.

Если и ливень, и не продохнуть от ветра,
молнии, громы и все это рококо –
то продолжал бы жить широко и щедро.
Главное в том, чтобы – щедро и широко.

Мимо спокойной гниющей воды затона,
в тучные поймы сгоняя попутный ил...
Да, очень быстро, но, доложу, зато я
ясно и честно назначенное прожил...

Ладно, река, расставаться с тобой пора нам,
ты уноси к заливу мою печаль.
Я, стало быть, возвращаюсь к своим баранам...
То есть бумага. Подпись. Число. Печать.

* * *

Как гуляли мы с дождиком.
Он пустой, а я с ножиком.
Для грибов ножик – туп и мал,
не орудье, а ритуал.

Мы по горкам то вверх, то вниз,
а грибы все попрятались.
Иль ослеп я, что туюс пуст,
или впрямь урожай не густ.

А тут, кстати, и белый гриб.
Что ж ты, малый, так глупо влип?
Отвернусь я – пора, беги,
как умеют боровики.

Пролетала сорока-фря,
по сорочьему говоря,
мол, гуляют тут разные –
не целесообразные.

А мне просто бродить бы тут –
то вдохнуть, а то выдохнуть.
А мне просто гулять бы так,
закатившись, как в щель пятак...

* * *

Петька или Леха, а не то Иван –
молодой летеха помирал от ран.
Отходил курилка, без пяти – ку-ку...
Но в бреду возникла дамочка в соку.
Ой, гола, дебела, встала перед ним.
Ой, сияло тело светом ледяным.

В жизни ты босота, – говорит она. –
Только смерть свобода, только смерть честна.
Не рядит кончина, аль по сеньке честь,
всем она по чину. Я она и есть.
Ты с косою тупою ожидал каргу –
я же вот такую приходить могу.
Будь святой иль грешник, все одно приду –
получай скворечник у меня в саду.
Ни деньги, ни шмоток, ни в ребро гормон,
никаких решеток, никаких погон.
Не застудит сивер, не ударит плеть,
не заноеет ливер, ожидая снесь.
Ни беды, ни муки – только высь и глубь.
Хочешь – звезды в руки, хочешь – солнце в пуп.
И, ожив из праха, и поверх разрух
воспаришь, как птаха или чистый пух.
То есть будешь волен, а не выть, терпя.
Дай мне сердце, воин. Я люблю тебя...

Он сказал:

– А ну-ка! Завела тут трель!

И еще:

Ты, сука! Отвали отсель!

Лучше быть уродом, лучше стыть во льду,
чем дудеть удодом у тебя в саду...

Ждет меня невеста, меня мама ждет.

Мне не в мертвых место, а наоборот.

И сумел он выжить и посмел суметь
до скелета выжечь красотулю-смерть.

Ставши некрасива и вконец озлясь,
стольких смерть скосила, покидала в грязь.

А под Кенигсбергом встретились опять
с этим недомерком, словно ерь и ять.

Жизнь парною струйкой булькнула в песок,
потому что пулька стукнула в висок.

Смерть присела возле, впору голосить,
потому как вовсе некого косить.

А над почвой жженой, сколько видит взгляд,
к матерям и женам душеньки летят...

* * *

Мы с дружкой хмельные оба. Это вот к чему –
оставляет нас последнее тепло...

Друг – Октябрь, я – Оттович по отчеству...

– Поиграем, Осень, в серсо буквой «о».

Осень молвила:

– Простите, но не хочется

веселиться в ожидании конца.

А пришлю я вам, ребятки, одиночество,

вы играйте с ним хоть в серсо, хоть в сердца...

И октябрь сказал, с ветвей срывая листики:

– Я подавно в эти игры не игрок.

Мне ведь тоже край уже, конец статистики...

И взлетел он, и растаял, как парок.

И остался я с тем самым одиночеством,

и, шатаюсь, неприкаян во хмелю,

познакомился с дубочком свет-дубовичем,

дуре-вербе брякнул, что ее люблю.

А с тобой на брудершафт мы выпьем, елочка,
горечь колкую с хвоинками тоски.

Ну, не путай ты мой шарф в свои иголки,

ну, не балуйся, смешная, отпусти.

А на небе, а на ветреном, на перистом,

поздних птиц неутихающий запев.

У меня душа – скелет археоптерикса,

помнит небо, но лежит, окаменев...

Улетайте, птицы божьи... Нам под стужами

ждать, промерзнув, что настанет благодать –

вы вернетесь и спасете наши душеньки,

если только еще будет, что спасать...

2003/2007

* * *

Чтобы вернуться, надо бросить монету...
примета

Брошу монету в море и в реку брошу,
гроши просыплю осеннему дню вослед,
к листовным золотым мелочь подкину в рощу
и белый цент, как в копеечку – в белый свет...

Время придет – под приглядом безносой дамы
буду плестись я последней своей межой.
Дай, Боже, сил, отзываясь на пафос драмы,
пусть не тугой, на прощанье тряхнуть мошной...

Или река. И гребец. И его шаланда.
– Не торопи, не на праздник отчалим, чать.
Тугрики мелкие на берег брошу, ладно?
Дай мне их бросить и чуточку помолчать.

Кину монетку в руки любимой тоже...
И возвращусь, и не раз – иногда и вдруг.
Пусть не похожим, а так – муравей по коже,
крикнет сова или стукнет о лампу жук.

И возвращусь, и опять, и опять, и снова...
Знаешь, паромщик, я выбросил свой обол,
чтоб в сновиденьи утреннем в полвосьмого
ей повторить самый главный для нас глагол...

ЦВЕТНАЯ ЛОЖЬ

* * *

Люблю тебя...
люблю тебя...
Светло и больно, как ни щурюсь.
Как ночью по небу кочую,
светясь от звездного репья.

Я думал, в темный донный ил
радиолярией ажурной,
в слои привычек, лжи дежурной
давно любовь похоронил.

Но было знаменье – готов
я клясться жизнью и свободой –
две радуги средь небосвода
сплелись в четырнадцать цветов.

И вот я выдохнул:
– Люблю...
Иду по лезвиям разутый.
Из тьмы венозной и мазутной
к тебе свой слабый голос длю.

Люблю тебя... люблю тебя...
Назло всей горечи нажитой,
назло ушибам и ошибкам
и трезвым винам сентября.

Люблю тебя...
Люблю тебя
всем своим сердцем полустертым,
распахнуто и распростерто,
не требуя и не губя.

Не покорять, как новый свет,
железной волею конкисты,
не хищной лапою когтистой,
в твоей судьбе оставить след –

хочу сподобиться, сумею
тебе хоть в чем-нибудь казаться,
хочу в глазах твоих остаться
как теплый и живой предмет...

* * *

А после карнавала
в ночи густой
гитара ворковала
не в лад, не в строй.

Еще был слышен порох
среди цветников,
но грусть сочилась в порах,
студила кровь.

Цветная паутина
изорвалась,
обрывки серпантина
втоптали в грязь.

Был выпит и расплескан
последний хмель,
все возвращалось в плоскость
привычных мер,

от конфеттиных точек,
клочков фольги,
через молчанье ночи –
к делам благим.

От радостной нирваны,
от искр огня,
от масок этих рваных –
к личинам дня.

1984

* * *

Мы станем птицами, я верую –
любовь крылата и нетленна.
Наверное, ты станешь белою,
и черной стану я, наверно.

Вдвоем мы воспарим над крышами,
не присоединяясь к стаям.
Средь черных птиц ты будешь лишнею,
чужим я белой стае стану.

Умчимся в дальнее пространство мы,
пронзая небеса предместья.
И вечным будет наше странствие
крыло к крылу – навеки вместе...

* * *

Вечер. Тракай, а закат – токай,
все охмелить собрался.
Играй, скрипачок, этот рай смыкай
с глюками твоих брамсов.

Замок замолк, на воротах – замок.
Нежить вот-вот завоет.
В стакане туман – на большой глоток,
чтоб заложить за ворот.

Пьян рыболов (он лицом рябой),
не избежал поимки.
Сазану – кукан, а ему – любовь
к барменше-караимке.

Ах, он топырит, неся стопарь,
грязный кривой мизинец.
– Пью за тебя!
А она :
– Ступай!
Калика, проходимец...

Вечер – он мастью чернее треф.
Сам себя спросишь: «Кто ты?»
Пес ли ты рыцарь, иль так – пся крев,
родина злой икоты...

* * *

Где эти комнаты,
                                где проживало счастье?
Дверь приоткрылась бы,
                                в малую щелку – шасть я!..
И ведь знакомы стены и пол,
                                да и дверь сия ведь...
Дождь за окном говорит, и сирень сияет.

Можно пойти наломать вороха махровья.
В зеркале олух влюбленный – глаза коровьи.
Очень печальные то есть... Боясь до колик,
бросить сирень в окно ей, на подоконник.

Или не дождь, а солнце – пали, не жалко.
Носит по улице радугу поливалка.
Тени от листьев – сечку, рванье, обрезки –
лето качает в колышимой занавеске...

Слышу родителей –
                                в кухне, вернулись с рынка...
Яблочный запах. Боже, ранет, пепинка...
На косяке узнаю эти зубчики – метки роста.
Все насовсем, то есть невозвратно просто...

Были потом удовольствия, кайфы, неги.
Реки молочные были, и арфы в небе.
Нынче, казалось бы, тоже –
                                и цвет, и smak тут.
Но почему-то яблоки так не пахнут.

Смотришь на мир

водянистым и сытым взглядом,
не замечаешь сирени, кипящей рядом.

В жизни то ямы, а то – в основном – равнина.

Все хорошо.

Замечательно.

Непоправимо.

* * *

Сириус, Сириус, Пес Большой...
Или забыл я заклятья текст?
Сыпал ведь жимолость с черемшой –
кубики-рубики-кре-ке-кекс...

Жабу сушеную растолок,
с аира снятую, лил росу,
мед и нектар, лопушиный сок –
все ведь согласно папирусу...

Мол, сотворишь ты свою любовь.
Вырежи куклу из алычи...
Вырезал, вот она – палка дров...
И эликсиром ее смочи.

Я, понимаешь, со всей душой.
Выпил, вылизал, сжег кору...
Сириус, Сириус, Пес Большой! –
очи горе закатив, ору.

Но деревяшка – ни бе, ни ме...
Стукнуло что-то в грудную клеть.
В классе сижу, а Петрова Е.
Мне говорит: «Перестань храпеть!»

Ленка как Ленка, гляжу, но я
не отошел от недавних тем...
– Ленка, а ты деревянная?
Или уже ожила совсем?

С левой она мне – не будь левшой...
Кто оскорбился бы, но не я.
Сириус, Сириус, Пес Большой.
Вот вам и вся астрономия.

* * *

После дождей разнообразных
всех степеней
природа закатила праздник
на сорок дней.

На срок великого потопа
включив, как душ,
всю ярость солнечного тока –
жару и сушь.

Но праздник, жаром уморая,
угас, зачах...
Луна с иссохшими морями
плыла в ночах.

Цвела вода, хирела зелень,
зной тек, как слизь.
И вовсе не было лазеек
остыть, спастись.

А что позволено при пытке?
Сиди, потей,
ищи неяркие прибитки
в слоях потерь.

И коли не найдешь ни грана,
так хоть поймешь,
что наша жизнь – фата-моргана,
цветная ложь...

* * *

Робкий свет зари повис,
дворник взялся за труды –
выметает вторник из
окружающей среды.

У него перчатки – шик,
у него метла – улет.
А он ею – шух да ших,
и под нос себе поет.

Эта песнь – не вой щени,
ему сферы муз близки –
то есть из «Хованщины»,
потому как Мусоргский.

Он, как шайбу – с пяточка.
У него бросок – моща!
У него жилеточка
светоотражающа.

Хоть Николой наречен,
у него дворов – пять штук,
и размерами причем –
есть, где ших и даже шух!

Ты мети, Колян, мети,
коль служенье таково.
Может, вовсе нетути
дел важнее твоего.

Даже если жизнь утла,
знаю, что не сдамся злу,
коли раненько с утра
слышу Колину метлу.

* * *

Прав ли твой инквизитор?
Транк ли твой вилизатор?
Знаешь, по ком позитор?
Чуешь, по ком мутатор?

Нет, ты мышей не ловишь –
мышленье кособоко.
Тешь свою репу, овощ.
Множь своих блох, собака.

Мол, ты почти что вечен.
Дескать, печали канут.
Фигушки, милый, – вечер.
Арривидерчи. Аут.

Сколько тебе осталось?
С гулькин хренок иль носик.
Кажется, трусишь малость?
Осень, парниша, осень...

* * *

Наверное, пора бы о душе
подумать, пошепаться, посудачить
с ветрами в индивелом камыше
и шорохами выстуженной дачи.

Вот я, живуший, бесом обуян,
смеюсь и вою в спящем состояньи,
вот вы – чуть шевелящие бурьян
и снегу придающие сиянье...

Вы – то звезда, а то – древесный ствол,
то вы – мотив в сосульчатой челесте.
А я – творец пустопорожних волн
и созидатель бубличных отверстий...

Я не умею, милые мои,
которых слышу в воздухе холодном,
крутить снежинок белые рои
и быть от всякой сущности свободным.

Но тоже стану вечен и безлик,
и буду жить в терновнике и дреке,
и вместе с вами шевелить тростник
и завивать поземку на дороге...

**СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ
В ЦИКЛЫ**

***

Люблю тебя... Люблю тебя...
Светло и больно – как ни щурюсь.
Как ночью с птицами кочую,
светясь от звездного репья.

Я думал, в юрские мела
радиолярией спиральной,
в грехи в щелях исповедални
любовь навеки залегла.

Но было знаменье – готов
я присягать на всех святынях –
две длинных радуги въедино
сплелись, в четырнадцать цветов.

И вот я выдохнул: Люблю...
Иду по лезвиям, разутый.
Из тьмы венозной и мазутной
К тебе свой голос длю и длю.

Люблю тебя... люблю тебя...
назло всей горечи нажитой,
назло ушибам и ошибкам
и трезвым винам сентября.

Люблю тебя... Люблю тебя
всем своим сердцем полустертым,
распахнуто и распростерто,
не требуя и не губя.

Люблю тебя всей силой жил!
Не ловчей птицею когтиться –
хочу под каждую ресницу
тебе свет радуг подложить.

***

Что виделось зернам
        под красной, как сердце, луной
на ветре озерном летящим к воде ледяной?
Что мнилось хвоинкам в паденья растянутый миг?
Да разве мы вникнем?
        Ужели мы вспомним о них?

Ведь мы-то весомей по правилам этой игры,
чем сонмы несомой цветной и живой мишуры.
Ведь мы сотворили и воду, и небо, и твердь.
И мы еще в силе
        придумывать жизнь, а не смерть.

Лишь мы и умеем, чтоб ухало эхо в лесу,
чтоб ветер по мелям и птичье перо на весу.
Ведь вызвана нашей любовью мелькнувшая ость
звезды этой падшей и нас проколовшей насквозь.

И ночь налетела, и след от заката угас
и два наших тела истаяли в клекот и газ,
и только мы сами всему двуединый творец
из плазмы касаний, из лунного света сердец...

Наверно мы тоже – соринки, живое ничто...
Но все же, но все же мы были на горнем плато.
И утро небесно. И медленный лебеда лет.
А все, что не песня пусть стихнет, угаснет, уйдет.

***

В том дворе, в том дворе на кудыкиной горе
есть качели, тополя и голубятня,
и песочницы две, а по яркой траве
раскидало лето солнечные пятна.

В том дворе, в том дворе спит Полкаша в конуре,
пес породы нашаобщаясобака –
сон послал песий бог без котов и без блох,
сон о суке из рабочего барака.

В том дворе, в том дворе
с бутербродом в кобуре
участковый Николаев ходит длинный.
Что-то часто он тут, а причину зовут
из пятнадцатой квартиры Валентиной.

Мужики. Домино. Смотрит тетенька в окно.
– Да не пьем мы, чеснолово, что ты, Люся!
Не волнуйся ты зря. Разве три пузыря –
это доза для таких орлов. Дуплюся!

Коллективный портрет —
малолетний контингент,
синяки, веснушки, кеды, самокаты.
Ни чинов, ни цены — так, щеглы, пацаны.
Заготовки судеб, полуфабрикаты...

И прожит, и протух сфабрикованный продукт.
Тот зарыт, тот позабыт, а тот на зоне.
Кто пропит, кто пропет, гор кудыкиных нет.
Только солнечные пятна на газоне.

Муж как-то раз вернулся
раньше на день из рейса...
Клава пьяна. И хахаль – кажется, сам заггар.
То есть – какая встреча,
типа – зашел погреться...
Но из одежд на джентльмене –
часы и густой заггар.

Вот со своим заггаром – эхом гремя подъездным,
с мордою свеже битой – вон со двора, ага! –
томных пугая школьниц незагорелым местом,
метко снабженным оттиском крупного сапога.

Через минуту Клава – эльф красоты и срама –
(ну-ка, оркестр, – крещендо, тутти, апофеоз!)
вылетела из дома вместе с оконной рамой
в брызгах стекла разбитого,
крови и пьяных слез.

Сидя средь мятой клумбы выла, что муж убийца.
– Ой! – голосила. – Руки!..
– Ой!-повторяла. – Кровь!..
Он из подъезда вышел. Ликом черней нубийца.
Плюнул в цветник изгаженный,
крякнул и был таков.

Клава, когда муж сгинул, точно в борще жиринка.
Вовсе умом стряхнулось,
напрочь забыв про стыд.
– Дай на похмел мужчина!
Или ты фря с ширинкой?..
– Ну, угости, соседушка!
Насмерть не дай простыть...

Лет еще пять ли, шесть ли
стружкой из-под рубанка
выкрутились, упали в мусор прошедших лет...
Помню – потом на лавке
шамкала бабке бабка,
– Клавка-то, слышь, Петровна,
наклюкалась – и привет.

Двух санитаров помню...
– Ну, как ты несешь, задрыга!..
Вовка орал и рвался, был он не трезв чуток.
Помню нога торчала,
помню в капроне – дырка.
Господи, и зачем же мне помнится тот чулок?..

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН

**Стихи, не вошедшие в книгу
«Когда оглянешься»**

***

Через сады вел путь
прямей тугой струны.
И был в садах надут
воздушный шар луны.

И света рыхлый пласт
лег фосфорной мукой
на теневой палас,
промерзший и сухой.

Средь черных, жутких див
заломленных ветвей
придумаю мотив
всех тише и плавней.

Он зазвучит о том
далекою трубой,
что в городе одном
мы встретимся с тобой,

что будет там бурлить
весна, как вар, как пар,
и ветер будет вить
шерсть облачных отар.

И будто повитель,
нас сблизят и овьют
растущие в апрель
растения минут.

Мир будет оборим
влечением в зенит,
где флюгер-серафим
в злаченый рог трубит.

И все – в рост силой всей,
все с тяготеньем в спор,
весна – как взрыв, как сель,
как воля и простор...

Пускай дудит в трубу,
тот ангел золотой...
Придумал я судьбу
и встретился с тобой

1981/2003

Лотосы

Я долго веду караван тоски
через барханы, через пески,
на миражи веду, на миражи,
а миражи исчезают во лжи.
Иду я, иду, а колодцев нет.
А мне уж, хлопцу, три тысячи лет.
Такой вот я бедуин-туарег.
Сморщено сердце, как грецкий орех.
Качаюсь промеж двух квелых горбов,
смотрю миражи про свою любовь.
зачем и откуда моя печаль?..
Причем тут лотосы озера Чад?..

Плыву так в жажде, сухи баклажки,
молчит, молчит мобильник на ляжке.
Емеля не мелет, часы стоят.
Пустыня, пустыня, песчаный ад.

Где ты, оазис зеленый мой,
чистой водой напои, умой.
Я сивка укатанный, вот он я,
стаей угаданный воронья.
Пеплом за мною оно – отребье,
ерошит о ветер густые перья.
Заплакать бы, что ли, – засохла соль.
Смеяться – только под алкоголь.
Все горло, как в извести негашёной.
Кина не будет. Пример решенный.
Голос любимой, волосы...
Лотосы...
лотосы...
лотосы...

***

А. Тримайлову

Товарищ мой, товарищ,
испытанный мой друг!
Приходишь и спасаешь,
бросаешь в воду круг.
Ты скручиваешь пробку,
как нечисти башку.
И я под эту стопку
вот что тебе скажу...

Наш Рим был слеплен криво
и потому спален.
И средь развалин Рима
мы пьем наш самогон.
Пускай без загородки
мнут нивы и жнивье
различные подонки
и всякое жулье –
мы сами виноваты,
что не рвались во власть
в том, что не подловаты
и не умеем красть.
Не позволяет гордость
нам мордой в бисер лезть.
Зато спокойна совесть.
Зато еще есть честь.
Слинять бы за границы –
природа не дает.
Ведь нашенская птица

у них гнезда не вьет.
Нас не пускают силы,
что нам не одолеть –
пенаты и могилы...
любовь...
и жизнь...
и смерть...
Пусть протекает крыша,
пускай нелегок хлеб.
Фанера над Парижем
есть наш дворянский герб.
Но никого не судим –
своя у всех судьба...
Давай, дружище, будем!
Давай, брат, за тебя!

Хроника одних суток

По-мышинному серым был этот денек.
Под машиной крутилось занудство дорог.
Приезжал, говорил, объяснял, что – куда,
совмещал пропитание с полостью рта,
снова мчался в железного зверя нутре,
прилипая к сиденью прыщом на бедре.
Штрафанул полицай за нелепый грешок.
Отключивил я день... и порвал корешок.
А мобильник молчит. А инбоксы пусты.
И до Стикса какой-то кусочек версты.
Вечер булькнул и канул. Икнул и замолк...

Ночь глодает гардины и лижет замок,
и течет, словно сера из чана в аду.
Как прожить эту жуть, вурдалачью страду?
Эта ночь не для сказок и не для волшебств.
В небе бред и безверье, крысиная шерсть.
Упыри в подворотнях насилуют фей.
Закопаться бы в сон – да сачкует Морфей.
В телевизоре звук полетел. Ни гу-гу.
Терминатор беззвучно бьет морду врагу.
Пианист месит тесто, а хлыщ-дирижер,
будто хвастаясь рыбой, ручищи простер.
В новостях – безголосые страсти земли.
Ничего не хочу, тараканюсь в щели.
И трусит одиноко, бежит под откос
жизнь печальная зебра – без белых полос.

Цирк

А как в нашем городе цирк осел бродячий,
транспарант повесили «Радость наш девиз!»
Фокусники, клоуны, акробатки... клячи
(можно запятую здесь, можно и дефис)

А вокруг вагончики, стенки сплошь в цветочках,
жирной краской писанных прямо по ржавью.
Был директор, потный весь,
с носовым платочком,
песенку мурлыкал он:
– Бэби ай лав ю!

Поначалу дело шло хорошо, пожалуй,
ёкали сердчишки-то, хохот оглушал.
Но, как кобра она яд пережила свой,
цирк кураж свой пережил, утнула душа.

И директор вытер пот и, взломавши кассу,
неизвестным транспортом навсегда утёк.
И совсем тоска взяла цирковые массы.
Как же, будет смех, когда даже хлеба – йок.

Престидижитатору местные вломили,
мол, он в карты жульничал – джокер в рукаве.
Ходит он в миноре весь, словно лошадь в мыле,
гордо демонстрируя бинт на голове.

Лилупутка куксит свой лик иконостасный.
Ее пьяный фокусник в сундуке пилил.

Всю уже спилил подлец – метр всего остался.
Хорошо – ножовку он месяц, как пропил.

Акробатки жалятся, мол, их обижают
за бесплатно требуют занавес стирать.
Две антиподисточки вовсе убежали –
знать нашли где прибыльнее ноги задирать.

И грустят верблюдики, то бишь Фима с Зюзей.
А на представлениях в первый ряд плюют –
где сидит поп-корны жрет дядька толстопузый.
Ведь они-то пятый день ничего не жрут.

Лошадей продал завхоз на колхозном рынке.
Все, что заработают – тратят за постой.
Я сижу чего-то жду в опустевшем цирке.
Жизнь моя совсем как он – балаган пустой...

***

Качай меня, отчаянье,
на серенькой волне!
Благие начинания
скончались во мне.

Я ими уже вымостил
стезю в куда-нибудь.
Не промысел, но вымысел
определил мой путь.

Душа с ее вместилищем
играют в болеболл.
Хоть счет большой, но жив еще
под сладкий валидол.

Существованья опытом
достигнут результат –
существованье хлопотно...
Не стоило затрат.

Цыганочка

Ничему уже не быть.
Азимут известен.
По инерции бежишь,
будто от пинка.

От любви не зазнобит.
Ну, а даже если, –
не любовь – похмелье лишь,
потребишь пивка.

Эх, раз, да еще раз,
одевай противогаз! –
Лучше быть в противогазе,
чем подохнуть от зараз.

Дом – работа –магазин,
снова дом – работа.
Лямки, рамки, твою мать,
в роце соловей.

Праздник, пьянка – баргузин,
шевели чего-то,
постелите мне поспать
миску с оливье.

В жилах – бляшки, плешь в башке,
сны страшны и странные,
электричество в крови,
а в руке стакан.

Муха плавает в борще –
все мы капитаны!
А ей крылья оторви –
будет таракан!..
Эх, раз!..

***

Какая весна приключилась тогда...
Хлестала капель, бликовали ручьи,
погода лучилась, блистала вода,
сок булькал в деревьях, ломая сучки.

И блеск отражался от глаз горожан –
от робких надежд подо льдом роговиц,
и город смеялся, и город дрожал
от смеха подростков и отроковиц.

И лопались клювы хрустальных синиц
от трелей, от жадных весенних страстей.
И радуги жили в решетке ресниц.
И не было в мире плохих новостей

Бог трубку курил и пускал облака.
Пах праздником город, бессмертьем, водой
И мы кувыркались, как два окунька,
в счастливой воде той весны золотой.

Какие подарки нам март раздавал!
Кружил нас по паркам, мостам, площадям.
И полы пальто ветерок раздувал.
И твои волосы лил по щекам...

Все позже весна каждый год настает.
И мизер мой ловлен. И тянет ко сну...
Вдруг чем-то повеет, вдруг что-то мелькнет.
И так и потянет пойти на блесну...

***

Бурлила магма, колыхалась,
творились, лопались миры,
кипел и вспучивался хаос
и освещался изнутри.
И тьма, и свет, закон и случай –
зачем-то было нужно всё –
короткий сверк звезды падучей,
орбит раскрученных лассо.
Зачем Земля?
Зачем амёба?
Зачем разинутый роток
и ненасытная утроба,
и пола зов, и кровоток?
Зачем копились прахи в гумус,
перепревали в мел и в нефть
иль погружались в недр угрюмость,
чтоб замереть, окаменев.
Зачем был проблеск первой мысли,
метнувшийся искрою вдруг
в глазах, над коими нависли
утесы двух надбровных дуг?..

И этот черный уголь в лапе...
и свет на узеньком челе...
И зверь, слюною брызжа в храпе,
рисует что-то на скале!
Вот он детеныша погладил
и, так потешно неумел,
он что-то завывать заладил,

да нет же, не завыл – запел!..
Зажглось в нем нечто и заныло,
метнулось, потянуло вверх
томленье непонятной силы...
Вот он был зверь – стал человек...

Все шло, прямоходящий малый,
от первых граммов вещества
к прекраснейшей из аномалий –
душе живого существа.
Весь ход миров – и нерв, и мускул,
вся неустроенная суть,
все лишь затем, смешной корпускул,
чтоб в твое тело душу вдуть!
Чтоб в вечный хоровод материй
вплести хоть тоненькую нить
желанья и уменья верить,
творить, надеяться, любить!..

***

Ты – в стране, где свет, а мне –
ночь да ночь.

На каком ее челне
превозмочь.

Я другого бы достиг
бережка –
я б тогда к тебе приник
бережно.

И как колкий холод пил
ключевой, -
я бы так тебя любил,
Боже мой...

Я б поплыл к тебе и плыл
до утра.

И я лодку выдолбил –
да утла.

Мне на берег заревой
не уплыть.

Тьма накрыла с головой
так и стыть.

2003

***

Хоть сном, хоть духом,
летучим пухом
к тебе, далекая, перенесусь,
к твоим печалям,
мостам, причалам.
И пусть все будет, как будет.
Пусть.

Я буду другом,
чуть-чуть – испугом,
теплом в морозы.
А летним днем.
Подставишь ковшик
своих ладошек,
и я нальюсь в них слепым дождем.

Ты мое чудо.
Я здесь.
Я всюду.
Я в волосах твоих ветерок.
Ты моя сказка,
зеленоглазка.
Я дотянулся.
Хоть так, но смог.

2003

Одной знакомой

Влюбись в меня сегодня, вдруг!
Смотри, какой хороший –
не лопоух, не тослстобрюх
и не отвратен рожей!

Еще порой бываю бодр,
(хоть лет обвешан грузом)
умел руками, сердцем добр.
И с правильным прикусом

Еще скакать могу начать,
почти подобно ветру,
коль меня б чем-то притачать
к коню-пенсионеру.

Имею трех больших детей.
Ты знаешь, ты ж рожала.
И хоть просил я дочерей –
ты резко возражала.

И вот сидят четыре лба
(и пятый – кот, Сережа).
И все-то мы – твоя судьба.
И ты судьба нам тоже.

Так что не можешь выбирать.
Влезай-ка в нашу лайбу!
Влюбись!
Поехали играть
серебряную свадьбу!

2002

***

Я остров открою и Трою отрою,
и на гору влезу, и в бездну нырну
(и, кстати, узнаю, что там – за горою,
и что в этих безднах гуляет по дну).

На битву пойду или выйду на стражу.
В быту буду скромн, опрятн, побрит.
И тещу уважу, и двери покрашу,
и даже уютг починю, может быть.

Омаров куплю, и шампанского брюта,
Нажарю картошки и брошу курить.
И сделаю все я. И больше не буду.
И разрешу тебе шубу купить.

Я даже и сам не вполне ощущаю,
на что я сподоблюсь и как удивлю,
только б сказала ты :
– Ладно. Прощаю.
И позже добавила б:
– Ладно. Люблю.

2002

**СТИХИ И ПОСВЯЩЕНИЯ
ДРУЗЕЙ ПОЭТА**

Александр БРЯТОВ

**ПОСКОРЕЙ ВЫХОДИ СЧАСТЬЮ
ОБУЧАТЬСЯ, или РАЗДУМЬЯ НАД
СТИХАМИ ВЛАДИМИРА ТАБЛЕРА**

Можно ли из стихов выстроить биографию человека, их написавшего? Наверное, нет. Но, прослеживая биографию его лирического героя, обязательно натолкнешься на мелкие детали, незначительные подробности его судьбы или, по крайней мере, характера. А волшебная сила искусства заставляет меня как читателя приписать эти черты автору. И возникает в моем воображении тихий, чувствительный мальчишка с неизменной для начала 60-х годов стрижкой под «полубокс»:

*Голоса за дверью – мама, папа, сестры.
Детство. Я проснулся. Слюнка натекла...
Вспомню – будто возвращусь
на укромный остров.
Там тепло. До смерти хватит мне тепла.
Яблоки с айвою, с ноткою тумана –
запах. Так, наверное, должен пахнуть рай...
(«Детство, я проснулся...»)*

И жизнь его представляется чем-то радужным, почти несерьезным развлечением

*И мелькают, и бегут
эпизодики.
И улыбки там и тут,
брызги-зонтики.
Смех побулькивал во ртах,
помнишь, раньше-то?
И все было ярко так
и оранжево.*

(«А как раньше было всё...»)

Живет мальчик, бегаёт по улице, играет в футбол, читает, как все, романы о диком Западе Фенимора Купера, пиратские истории Рафаэля Сабатини, невероятные приключения, описанные Майн Ридом, мечтает о чудесных морях и берегах далекого озера Титикака, где водятся самые счастливые на свете караси и создает в своем воображении непременно добрые миры.

Как я любил...

Я создавал миры.

Я их ловил в густом чернильном мраке.

*И белая вселенная бумаги
кипела от превратностей игры.*

*Я населял небесные тела
звериным и растительным народом
и лучших рыб разбрасывал по водам,
и в воздух гнал прекрасные крыла.*

*Я в твою честь не поднимался в бой,
не плющил лоб в неистовстве молитвы.*

*Я запрещал охоты и ловитвы
и пасти тиграм набивал травой...*

(«Романс»)

Детство – неиссякаемый источник творчества. Как было бы хорошо, если бы оно никогда не кончалось! Но проходит время, мальчик становится взрослым, обремененным семьей, прижатым к земле грузом ежедневных забот:

*Ты не корми меня этой лапшой –
"еще повезет" и про "небо в алмазах".*

Я все понимаю. Я мальчик большой.

Я самая грустная лошадь в пампасах.

...

Воли чужие, чужая корысть

Крутят меня в этом маетном круге.

Дергают нитки умелые руки.

Не оторваться...

Не перегрызть...

...

Надо с добычей тащиться в нору.

Надо кидать в эти клювы личинки.

Кран починить...

Сапоги из починки...

Я починю...

забегу...

заберу...

(«Ты не корми меня этой лапшой...»)

И приходит время человеку, плывущему по волнам бытия, задуматься – о смысле жизни, о своем предназначении, о выборе пути:

И был я в ялике своем,

как в чашечке весов аптечных.

Как будто взвешивала вечность,

что я такое и почем.

(«Была предутренняя тишь...»)

Наверное, в раздумьях этих человек и становится поэтом. Тонким, лиричным, часто – грустным, но всегда – добрым, сочувствующим, соразмерным окружающему его миру. И этот мир чутко откликается на малейшее его прикосновение.

Ночь тиха, как забвенье.

На полнеба луна.

И сияют мгновенья,

как слюда в валунах.

Ты со мной...

Ты такая ...

Целовал бы следы .

*И тыходишь нагая
в сон озерной воды.
К теплоте твоих линий,
словно к чуду Творца,
льнут кувшинок и лилий
травяные сердца.
По сердцам их- монетам,
прикрепленным ко дну,
и по лунному свету
ты плывешь на луну...*

(«Ночь тиха, как забвенье...»)

Ну как не вспомнить знаменитые слова Пастернака «И через дорогу за тын перейти нельзя, не топча мироздания», читая такие строки:

*Я виноват. Я что-то повредил.
Своим телодвиженьем неуклюжим
я что-то поломал или нарушил-
баланс, ранжир, соотношенье сил.
Я виноват в убийстве муравьев.
Из-за несоразмерности огромной
я их давлю с привычкой многотонной,
не замечая гибнущих миров.
Я виноват, что даже запятой
передаю волненье по цепочке,
которое в определенной точке
становится конкретною бедой.
Я виноват как индивид. Еще
я виноват как представитель вида,
что этим видом столько убито,
что вряд ли будет этот вид процен...*

(«Прощеное воскресенье»)

Творчество Владимира Таблера, возможно, не всегда ровно – но всегда интересно. Я с жадностью

жду публикации каждого нового его стихотворения, — и, как правило, не разочаровываюсь. Иногда просто перехватывает дух от той щемящей нежности, которой пронизаны его стихи, обращенные к любимой. Невозможно не привести одно из таких стихотворений целиком:

Любимая, какая ночь сегодня...

Ты спи, твой сон покараулю я.

*Спи, лучшее создание Господне,
единственная женщина моя.*

Сегодня ночь, как будто перед сглазом.

Так тихо, так безлунно-высоко.

*Бьют родники расплавленным алмазом,
и в Млечный путь втекает молоко.*

Не воет зверь, не вскрикивает птица,

я запретил им выть или кричать.

*Пусть сладко спит моя императрица,
и потому, пожалуйста, — молчать...*

Я знаю, что меня ты не разлюбишь,

но зная это, все равно боюсь.

*И хоть аминем беса не отбудешь,
но я, на всякий случай, помолюсь.*

Пусть ангелы витают у подушки,

пусть шепчут, помогая мне в мольбе...

*Я горло завязал своей кукушке,
чтоб не гадала больше, чем тебе...*

Нет шума человеческих поселений.

Молчат потоки, ветры и моря...

*И спит в большой умолкнувшей Вселенной
единственная женщина моя.*

(Зое)

Особенность лирики Владимира Таблера – тонкое, трепетное отношение к окружающему миру и постоянная, непрерывная ирония к самому себе. Часто эти два качества соседствуют в одном стихотворении, и тогда возникают такие, например, строчки:

*Плачущее дерево,
надо мной не плачь.
Хоть в судьбе не меряно
всяких неудач,
но пока карабкаюсь,
ножками сучу.
Жив еще и радуюсь
каждому лучу.*

(«Плачущее дерево»)

Или такое стихотворение, как мне кажется, надежнее прочих соединившее все лучшие качества Таблера-поэта:

*Хлещет дождь на Укаяли.
Да у нас не лучше гнись.
И душа, как мышь в рояле,
гулко гложет свою грусть.*

*Не просохнуть, не согреться.
Сердце водоросли рвут.
Ой ты, сердце, мое сердце,
мой печальный субпродукт.*

*Неохота стало драться
даже с лучшим из врагов.
Мне б податься в травознатцы –
чай попить из сорняков.*

*От того, быть может, чая
из цветочков и стеблей
хоть немножко б полегчало –
меньше б думал о тебе.*

*Дождь идет на Ориноко,
сельву струями лупя...
Ничего, что одиноко.
Просто плохо без тебя.*

Можно было бы многое еще сказать о технике Таблера, с виду совершенно простой, многим, думаю, кажущейся даже простоватой: о любви его к неточным, но свежим рифмам, о преобладании в его стихах коротких, часто трехсложных размеров, о насыщенности стихов тонкими, необычными образами, оригинальными метафорами, привести замечательные примеры искрометного юмора – но оставим читателю возможность самостоятельно погрузиться в мир волшебных стихов Владимира и почувствовать эти перекатывающиеся на языке сочные, сладкие слова, к которым мы так, казалось бы, успели привыкнуть – но в хороших стихах они каждый раз снова удивляют нас своей красотой и невероятной нежностью.

А закончить обзор мне бы хотелось стихотворением, строку из которого я взял в эпиграф. И это – тоже Таблер, и, как мне кажется, в его лучшей ипостаси.

*На заре – сизари и сирени запах.
А ты, ночь-зámорочь, уходи на запад.
Что копáть, кто неправ...
вот бы...
если б...
кáбы...
Я планетку прибрал — вырвал баобабы.
Муравьиные львы наших бед и злости
врылись в дальние рвы иль исчезли вовсе.
В окно спальни твоей зеркальцем мигаю.
Выбегай поскорей! – тонко намекаю.*

*Будем блики ловить, улыбаться будем
и улыбки дарить всем хорошим людям.
Мы пломбир будем есть
яблочный, клубничный.
И числа будет несть радостям различным.
Чудеса впереди чудные случатся.
Поскорей выходи счастью обучаться.*

2004 г.

Георгий Чернобровкин

ДОРОГА ВЛАДИМИРА ТАБЛЕРА

От автора:

Это предисловие было написано несколько лет тому назад к книжке, которую Вова хотел издать, но не смог из-за отсутствия личных средств и спонсоров. Правда, спонсоров Владимир Таблер никогда и не искал...

Есть некая странность в том, что мы пережили свою страну. Союз раздробился, растаял, исчез и даже получил лаковое посмертное призрачное существование в некоторых же своих бывших республиках. Ощущается определённая дисгармония существования: и Союз нерушимый жалко и «тюрьма народов» рухнула. Извечная русская шизофрения: и рыбку съесть и на ёлку сесть.

В наследство почивший оставил две свои беды, великую культуру и литературу, которая, как известно, наше всё и точка, а кому не нравится – вон пошёл. Ну, наше извечное холопство, «авось да небось», «полюби меня чёрненьким», культы и культики вождей с извечными бедами мы трогать не будем. Не наше это дело. А вот литература – дело иное, благородное.

А начал я вспоминать наш нерушимый Союз не случайно. Момент его распада прихватил и когда-то единое литературное поле и наш один большой литературный колхоз разбился на несколько новых хозяйств. Можно долго спорить о литфондовых активах, но это не сделает лите-

ратуру. Литературу всё-таки делают люди. Конкретный человек в конкретных обстоятельствах и в конкретном времени.

Мне до сих пор странно, что при разбегании республик и обжираловки суверенитетов, мои друзья, проживающие в прибалтийских республиках, стали для своей бывшей родины иностранцами. Странно, что писатель, пишущий на русском языке, живёт в суверенной Латвии или суверенной же Литве, имеет тамшнее гражданство (или негражданство, таковы факты, господа, факты), но при этом является, ощущает и считает себя по праву русским писателем, поэтом.

Русская литература вначале волнами эмиграции, а затем не оставлением дома рассеялась по странам.

Марина Цветаева однажды заметила: «все поэты – жидаы». Вот мы и переживаем своё рассеивание. А Сионом нашим стала поэзия. Настаёт ли время собирать камни? Молчит птица-тройка...

Конец 90-х годов XX века и начало XXI века породило феномен сетевой литературы. (Как нам известно, из курса русской литературы, на стыке веков и не то может происходить). Этот феномен ещё ждёт своего вдумчивого исследователя, но лишь за одно сетевую литературу надо благодарить: она взяла на себя труд познакомить, свести, не дать потеряться «во время перемен» авторам, работающих единими/разными творческими методами. И все происходило стремительно, не просто в то время, когда деревья были и т.д., а когда рваное одеяло литературы начало расползаться, а тиражи журналов, после блаженных перестроечных времён, сорвались в пике.

Сетевая литература настолько быстро прошла своё взросление и развитие, что уже можно вспомнить Блока и «минуты роковые». Но главное она сделала. Она кого (увы) нивелировала, а кому и дала дальнейший толчок к развитию. Выступила инструментом естественного отбора. Так сказать: эволюция в действии. Поставьте памятник человеку, придумавшему Интернет. Он это, право, заслужил от благодарной русской литературы.

Все, что я сказал выше, понадобилось мне только для того, чтобы назвать имя человека, о чьих стихах я сегодня хочу говорить.

Владимир Таблер.

Родился в 1957 году в Березниках Пермской области. С 1972 года живет в Каунасе. До 1984 года печатался в республиканской и всесоюзной печати. С 1984 по 2002 практически не писал. Начал записывать стихи вновь с 2002 года.

Если бы не Интернет, то я бы, возможно, никогда не узнал поэта Владимира Таблера. Его стихи сразу обратили на себя моё внимание, когда Владимир начал размещать их на сайте ТЕРМИТник поэзии.

На сегодняшний день Владимиром Таблером написана книга стихов, которую вы держите в своих руках. Книга, которую многие ждали.

«По кончикам верб», «Плачуще дерево», «Молитва», «Когда оглянешься», « А дальше что?», «Только дорога», «Послесловие», «Ливень слепой», «К той реке», «Сим сообщаю»...

Стихотворения книги собраны автором в циклы, и читать их предлагается именно в этой последовательности.

Стихи Владимира Таблера подкупают своей искренностью и лиричностью. В них нет «искристого» выверта для привлечения внимания, той мишуры, которой иной раз грешат многие пишущие, принимающие блеск самовара за блеск золота.

Стихи Владимира Таблера даже несут в себе ту традиционность, в лучшем смысле этого слова, которая и делает русскую поэзию именно русской поэзией, с вечными темами её лирики.

Золотая пыльца вербных почек легка и невесома, как наша жизнь, готовая оборваться в любую минуту. Всё движение первых стихотворений книги направлено на мысль о скоротечности нашего бытия, о жизни и любви, которая случилась. Владимир Таблер допускает даже неприкрытый эротизм в стихотворении «Весна наступила!» и делает это так тактично и так светло, что стихотворение читается как гимн любви. Человек для автора – вселенная и одновременно terra incognita.

*И мы с тобой тоже, обнявшись, плывем,
вращаясь, как щепочки за кораблем...
По ложам измятым, над ложью и ржой
по мяте, сливаясь душою с душой...
По жилкам, ложбинкам, по родинкам всем.
Как раньше я жил-то, и был-то я чем?
Под пение птичьих альтов и виол –
по бархату дёсен, холмам альвеол.
По крови, раздевшись до самых сердец.
Над прахом империй и злых королевств.
И – сердцем по сердцу,
и – нервом о нерв,
по свету, по ветру, по кончикам верб...*

Вселенной может являться и муравей с крошкой хлеба на хрупком хитоне, и капля воды, повисшая на ветке дерева. Возможно, это и есть главное в лирике – суметь увидеть и передать нам те чувственные движения, которые поднимут нашу душу ещё, хотя бы на миллиметр, к Богу. Стихотворение напоминает нам: человек создан по образу и подобию Творца и сам является Творцом.

Стихотворение «Прощёное воскресенье» (следующее по порядку расположения) затрагивает уже другую, но переплетающуюся с первой тему:

*Я виноват. Я что-то повредил.
Своим телодвиженьем неуклюжим
я что-то поломал или нарушил-
баланс, ранжир, соотношенье сил.
Я виноват в убийстве муравьев .
Из-за несоразмерности огромной
я их давлю с привычкой многотонной,
не замечая гибнущих миров.*

.....
*Я виноват как индивид. Еще
я виноват как представитель вида,
что этим видом столько убито —
навряд ли будет этот вид прощен.
Я виноват и сто, и сотни крат
в том, что убог, труслив, несовершенен.
Еще до совершения движенья
я знаю, что в нем буду виноват...*

.....
*Господь, что ты затеял надо мной?
Зачем в вину уводишь, словно в топи?
Скажи, Господь, коль я - твое подобье,
то как ты сам-то с этакой виной?..*

Чувство вины, переполняющее лирического героя, здесь не нарочито. Поэт только облёк в слова то, что привычно называется совестью. Совесть – понятие сегодня начинающее расплываться. Примеров этому тьма. Но осталась традиция русского интеллигента быть больной совестью и царапать благодушие конформиста. Владимиру Таблеру присуща самоирония. Но сквозь эту самоиронию сквозит печаль.

Зое

*Ты не корми меня этой лапшой-
«еще повезет» и про «небо в алмазах».
Я все понимаю. Я мальчик большой.
Я самая грустная лошадь в пампасах.*

.....

*Или не лошадь? —
Плешивый койот...
Птица линиялая с гузкой обвислой...
Знаешь сама ведь, что не повезет.
Бобик издох — и вся аста ла виста...*

.....

*Ты мои волосы гладишь ладонью.
Возле тебя я, как возле ручья
с самой живую и доброй водою.
Как меня любят и как я люблю...
Спрятались раки тоски под коряги.
Завтра посмотрим.
Сегодня я сплю —
самый счастливый карась в Титикаке.*

Превращения героя здесь вершатся под женской рукой. Женщина – жизнь, хранительница дома, берегиня усмиряет дневные заботы, дарует отдых... Мир сужается до женской ладони, в которой искринкой лежит золотой, как пыльца вербы, карась.

Свою инаковость поэт остро чувствует: он не просто жираф, т.е. «то, чего быть никогда не может», а жираф на высочайших горных вершинах:

*Одиноко мне в толпе,
как жирафу на Памире.
Я скучаю по тебе,
будто душу прищепили.*

*К пункту А из пункта Б,
жилки красные на карте –
моя кровь течет к тебе,
так и вытечет по капле.*

Самоирония Таблера почти всегда решается через страдание. Этот жираф уже не «изысканный», он экзот, истекающий кровью от разлуки с любимой.

Зооморфные превращения лирического героя, рассыпанные по книге его лирики, отсылают нас не только к «Метаморфозам», но одновременно подчёркивают противопоставление «поэт – толпа».

Эти мотивы в поэзии Владимира Таблера происходят на стыке двух внутренних конфликтов: лирическое переживание – действительный мир, поэт – другие и поэт – любимая. В любом случае здесь происходит столкновение двух миров, их переплетение, проникновение одного в другое, что и рождает поэзию.

Пространство движется в стихотворении к человеку, концентрируется на нём, погружается в частное. Но характерно, что в заключительном стихотворении цикла это же пространство развернётся, даст отсыл к тем мотивам, которые уже возникали, свяжет всё воедино. И стихотворение соберёт инструментовку в единый аккорд:

*Мир для любви, для чуда.
Пусть он таким и будет...*

Я не буду останавливаться отдельно на теме музыкальности стихотворений Владимира Таблера, над их оркестровкой, занудливо разбирать ассонансы и аллитерации (имеющий уши да услышит), отмечу только, что многие стихотворения Владимира Таблера стали песнями, а некоторые изначально писались как песни. Стихи Таблера очень музыкальны. Их хочется петь. И повторять вслед за автором: мир создан для любви, для чуда...

Это мироощущение пронизывает все стихи каунасского поэта. Острое восприятие природы свойственно лирике, но как точно об этом говорит Владимир Таблер:

*Поранюсь, порежусь
о сонный осот,
о раннюю свежесть,
о сини высот,
о сирый осинник,
о крылышки птах.
И вовсе не сильно,
но больно-то как...*

Но именно эта боль живого мира позволяет поэту в полной мере почувствовать жизнь, принять всю её неоднозначность и сложность:

*О воды, о стрежни,
о хвою в бору
поранюсь, порежусь...
запомню...
замру...
Порежь меня, поле*

заросшей межой.

И больно...

И воля...

Живой я.

Живой

Так чувствовать мир может только большой лирический поэт или человек, проживший жизнь и обретший мудрость, даруемую очень долгой жизнью.

Название этой книги не случайно. Владимир Таблер оглядывается на свой путь. Имеет полное право хотя бы только потому, что вошёл в возраст зрелости, его перо обрело мастерство и ему есть что сказать читателю. Характерно, что в центральном цикле, давшем название книге лирики Владимира Таблера, цикле «Когда оглянешься», доминирует определение «белый». Белый день, белый свет, белый снег...

Как и у Пастернака, мотив снега, метели у нашего автора тесно переплетается и часто равен с мотивом одиночества, душевного дискомфорта, чувством тревоги. А вот преодоление этих тревоги и одиночества решается через изменение мира силами природы, сменой сезонов, явлением чуда человека. Примечательно в этой связи, что «белый» вначале превращается в «серый», а затем проявляются яркие краски и в цветопись поэта включаются «изумрудные кроны» и цветущая сирень. Т.е. «белый» в стихах Таблера прочно связан с тем ощущением тревоги творчества, свойственной многим русским лирикам. Вспомним: «Не знаю, что я буду петь, но только знаю: песня зреет...». А, может, я не прав и это прошлое седеет, уходит от нас.

Мне иногда кажется, что о чём бы не писал поэт, он всегда будет писать о времени. Лирика, как разговор о времени и человеке. У времени есть свои секреты и свои глубинные тайны, а поэты призваны в этот мир открыть другим то, что сокрыто от любопытных глаз. Время у Владимира Таблера приобретает свойство белого шума, в котором растворено всё, что составляет нашу жизнь. Задача поэта, с которой он без сомнения великолепно справляется, проявить своей лирикой нам то, что до этого было скрыто от наших глаз или прибывало в белом тумане.

Показалось примечательным, что в книге Владимира Таблера неоднократно появляется мотив пешки. Ощущение мира, как игры, свойственно современному человеку играющему. Но в поэтике Таблера человек часто не свободен в правилах игры. Он их только обязан принимать. Над человеком простёрта огромная рука Рока,двигающая шахматные фигуры по доске мира. Этот мотив Рока, несвободы в своей воле, поднимает поэзию Таблера до истинных высоких трагедийных нот. Здесь происходит только движение вперёд. Но, стоит ли напоминать искущённому читателю, что пешке, которая дойдёт по определённой линии, суждено превращение? И если жизнь и мир – это игровое поле шахматной доски, то поэт Владимир Таблер далеко не пешка, а самостоятельная полная фигура, имеющая право двигаться как угодно...

В этом же цикле прорезается больная нотка, о которой я говорил в самом начале:

А вот и дождь как раз.

Все точно по Гильену.

Ей- ей, начну сейчас

*бодать башкою стену.
В морях живет треска,
плывет, куда попало.
А у меня тоска –
как рыба-прилипала.*

*Хоть существую вне
америк иль японий,
но все ж — в чужой стране,
как хрен среди бегоний.*

*Сижу невыездным
в европовом прямке,
мне глаз не выест дым,
что сладок и приятен...*

Вода – река, море, океан, даже дождь в стихах Владимира Таблера служат некой границей, через которую лирический герой пытается дотянуться всем своим существом до людей. Возможно, здесь сказывается местожительство поэта, морской порт, тяжёлая река... И как реки впадают в моря, так и поэзия Владимира Таблера широко вливается в нашу жизнь.

Таблер говорит об одиночестве человека, и текущая вода здесь часто служит не только метафорой вода – время, но и вода – граница, через которую так сложно дотянутся голосом до собрата. Тем более если эти голоса разделены государственными границами. Поэтому в стихах можно наблюдать исчезновение лирического героя в воде, возвращение его в стихию, из которой вышел людской род. Буквально растворение...

Это же растворение происходит и в другой стихии, имеющей полярный знак – небе. И, полу-

чается, что лирический герой Таблера живёт среди трёх стихий: на земле между небом и водой. Если бы был посмелее, то мог бы процитировать Бытие, стих 2. Этим Духом пронизано творчество Владимира Таблера.

Стихотворение, давшее название циклу «А дальше что?» заканчивается словами:

*И набрести лососю
на роковую снасть.
Такое время осень –
спастись нельзя пропасть.*

Элемент игры остаётся. Поставь читатель запятую сам. Я, разумеется, ставлю её после слова «спастись». Владимир Таблер спасся уже тем, что пишет прекрасную лирику. Его инструментарий – виртуозен. Россыпь метафор, рифмы, построение образов таковы, что лирику эту пьёшь, как родниковую воду. И всё это укладывается в строгую и элегантную форму.

Этот же вопрос, вынесенный в название цикла, возникает ещё раз, уже в другом стихотворении («Благодарю твой промысел, Создатель!»):

*Что дальше? Там, за разрушением плоти?
И как насчёт бессмертия души?..
Пройду свой путь и растворюсь в природе.
А что с душой моей – ты сам реши...*

Стихотворение, чаще всего – молитва. Это в традиции русской лирики. (Как и богоборческие мотивы). Но здесь, смирение, неподкупное и чистое, тонкая лирика русского поэта – есть ответ на заданный вопрос.

Зачем ты, дорога? Куда? К кому?

Практически тот же вопрос.

Дальше, даже если оглянешься на пройденный путь – стихи и ширящаяся дорога к благодарному читателю, ценителю русской поэзии.

Ад для поэта – немота, впадение в приямок, корыто, из которого невозможно выбраться отсуществованием диалога, оторванность от языка, Родины...

Видимо от этой извечной боли, жажды собеседника хоть на пресловутой лестничной клетке, в стихах Владимира Таблера появляются «каверзы», «тмутараканский гимн», даже «SOS»... Отсюда вырастает тысячелетняя зима в удивительном по силе стихотворении «Письмо», цикла «Сим сообщая».

Наша литература, явленная нам поэтами «нового зарубежья» – несомненно, явление. Она даёт не только высокие образцы гражданской лирики, но и образцы лирики «чистой», где центром является человек, переживающий личную трагедию, его тончайшие душевные движения в изменяющемся и часто очень жёстком мире. Сейчас же, на мой взгляд, ситуация с нашей литературой в бывших республиках Союза, сродни той, что была в начале 20-х – 30-х годах XX века, когда первая волна эмиграции накрыла Берлин, Париж и Прагу.

Луковичкой, которая вытаскивает человека из немотного приямка, становится для Владимира Таблера поэзия, часть русской литературы, к которой он по полному праву принадлежит. Это станет ясно любому, кто прочтёт эту книгу.

Лирика Владимира Таблера философская. В его стихах происходит не только осмысление до-

роги, пройденного пути, но и находят свои решения философские обобщения и вечные вопросы бытия, наблюдения за ростом души человека, что ставит эту лирику на высокий пьедестал большой русской литературы.

*Октябрь. И вроде, все понятно...
Листва летит желта и ала.
И эти солнечные пятна,
разбросанные как попало...*

*В зените гуси говорили,
сносимы ветром поперечным,
о быстротечном счастье или
о чем-то медленном и вечном.*

*И прогудели, замолчали,
пропав в небесном купоросе.
А ты глодай свои печали,
решай проклятые вопросы.*

*И слышать ты не перестанешь
вокруг летящую несущестъ
от кратковременных пристанищ,
из сущности в иную сущность...*

Книга Владимира Таблера - лирика тонкая, чистая, глубокая, которая приходит к тебе и остаётся с тобой уже навсегда. Невзирая ни на какие границы и расстояния.

Сетевая литература дала возможность выйти в большую литературу многим именам, чьи стихи сегодня печатают наши «толстые» журналы, выходят интереснейшие книги наших авторов. Среди них имя Владимира Таблера, лирику которого для меня открыла именно сетевая литература. Честь ей и хвала.

Итак, перед вами книга Владимира Таблера «Когда оглянешься». Откройте её осторожно и читайте. Не торопитесь. И пусть каждое стихотворение этой чудесной книги станет для вас зернышком той истины, которая не нуждается в утверждении, а просто есть в ваших отзывчивых душах.

Слышите, высоко в небе долгой и чистой нотой вам уже отозвалась струна лирики, без которой мир уже нельзя представить... Лирики, которая плывёт к вам через время и пространство, невзирая ни на какие границы... Лирики, имя которой – Владимир Таблер.

Александр Карпенко

ДО САМЫХ СЕРДЕЦ

Владимир Таблер – один из тех редких, особенных поэтов, которые умеют захлеб писать в мажоре о радости бытия. Градус переживания то и дело «зашкаливает». Как следствие, зашкаливает и градус сопереживания читателей и слушателей. Не только потому, что в лирическом герое Таблера мы узнаём себя. Но еще и потому, что всё это изложено блестящим авторским языком. С неожиданными рифмами. Сточно угаданным ритмом. Стихи композиционно гармоничны. И за всем этим угадывается огромная личность Поэта.

Перечитывая стихи Таблера, всё время находишь словесные изыски, блески, жемчужины – и это при том, что автор специально их не выдумывает, не акцентирует на них внимание читателя. В контексте поэтической речи всё это звучит очень органично. И ещё одна особенность эстетики Таблера, на которую сразу же обращаешь внимание – у него мажор и минор одновременны.

*...понимаешь в эпилоге –
сослагательна мечта,
изъявительны итоги...*

*...изъязвительность судьбы –
горечь всяких наклонений...*

Вы только представьте себе – Таблер на протяжении одного стихотворения («Ты не корми меня этой лапшой...») умудряется рассказать нам и о своем счастье, и

о неизбежности смерти. Да, конечно, весельчак Моцарт оказался способным на могучий «Реквием». Но чтобы в «Реквиеме» прозвучала еще и радость бытия – такого даже Моцарту не удавалось. А Таблеру удалось, пусть это и разные жанры. Тонкость и глубина. Именно дар объемного видения мира и делает Владимира Таблера особенным поэтом, который, на мой взгляд, входит в «шорт-лист» самых значительных русских поэтов XXI века.

Таблер как будто подчинил силы природы своей лирике. В стихах поэта звучит волшебная, ни с чем не сравнимая музыка. Он оркестровал времена года так, как мало кому удается – несмотря на то, что на протяжении метаистории эту тему не поднимал разве что ленивый. У него было удивительное чувство единения с природой, пронзительное ощущение, что человек и природа – одно целое. Например, весна для Владимира Таблера – это Божественный акт любви. В любви друг другу объясняются все: и звери, и рыбы, и даже насекомые... Человек тоже участвует – вместе со всеми – в этом вселенском оркестре любви. «Раздевшись до самых сердец».

Стихи Таблера вызывают неподдельный интерес у самых тонких ценителей русской поэзии. Володя нес в себе эту «державинскую» антиномию: «Я царь, я раб, я червь, я бог». Вселенские качели противоположностей раскачивали дух поэта, как американские горки. От нижней точки – ничтожества «мыслящего тростника» – к верхней – его величию. Владимир Таблер сумел отразить в своих стихах и бездну низа, и бездну верха. А чаще – и то, и другое – одновременно. Мажор и минор в их лирическом и философском преломлении. Меня изумляет амплитуда настроений Таблера, размах ко-

лебаний маятника регистров души поэта... Так, как это изумляет в творчестве Моцарта и Шопена. Посмотрите, сколь всепобеждающа радость бытия в стихотворении Таблера «Весна»:

*Весна наступила!
Растаяло зло.
Мы вырвались, выжили, нам повезло!
Забилось, запело, завыло вокруг,
заворковало. Мы поняли звук.
И твари земные, и божьи рабы,
услышали зовы весенней трубы!
И вняли, узнали и приняли знак
для вешних, для вечных, для брачных атак.
Рванулись друг к другу сквозь бред и репё
Венерино зеркальце, Марса копьё.
И — шерстью по шерсти, по перышкам — пух
и — скрещены шеи, и — выдохнут дух.
И — бегом оленьим, и — страстью горбуш,
всей силою плоти, всей волею душ.
— Люблю! — шепчет в поле убогий инсект.
— Люблю! — разливается в просеках свет.
— Люблю! — воет волк и роняет слюну,
впиваясь клыками в густую луну.*

*И мы с тобой тоже, обнявшись, плывем,
вращаясь, как щепочки за кораблем...
По ложам измятым, над ложью и ржой
по мяте, сливаясь душою с душой...
По жилкам, ложбинкам, по родинкам всем.
Как раньше я жил-то, и был-то я чем?
Под пение птичьих альтов и виол —
по бархату дёсен, холмам альвеол.
По крови, раздевшись до самых сердец.
Над прахом империй и злых королевств.
И — сердцем по сердцу,*

*и — нервом о нерв,
по свету, по ветру, по кончикам верб...*

*Омытые потом, как росами, мы
рассветами синими, розовыми,
лежим утомленные счастьем своим...*

Красивого сына мы скоро родим.

В стихах Таблера – практически нет провалов. Планка, взятая поэтом, высока. Иногда он взирает на эту планку с высоты самоиронии. Владимир удивительно разнообразен в своей лирике – здесь и «раблезианское» «Прощёное воскресенье», и философская «Песня пешки», и проникновенные пейзажи, например, «После шторма», и, конечно же, мурашками по коже – любовная лирика, посвящённая жене Зое.

*Люблю тебя! Люблю тебя –
Всем своим сердцем полустертым –
Распахнуто и распростерто,
Не требуя и не губя.*

Или:

*...вместе с тобой летаю
выше всех алатау
к альфам и вегам тау
астровым берегам
словом привязан самым
шёпотом прикасанием
сказанным несказанным
прожитым по слогам*

Это он о себе сказал: «Самый счастливый карась в Титикаке».

ДЕТСТВО КАК ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Нет-нет, да и прострелит сердце поэта тоска по детству, переживаемому как потерянный рай: тебе хорошо, над тобой, малышом, еще не довлеют заботы, обязательства, все работает на тебя — время, родители...

Воспоминания поэта Владимира Таблера о своем детстве дуалистичны: возвратившись мыслями в детство, он не может уйти из реалий сегодняшнего дня. Он помнит, что мамы уже нет — и, возвращаясь обратно в детство, просит ее не умирать. Это напоминает мне знаменитое стихотворение Арсения Тарковского о том, как ему приснился канун войны, и он, попав в предгрозые начала 1941 года, пытается оттуда рассказать людям, что с ними произойдет в ближайшем будущем, умоляет их не делать того-то и того-то.

У такого одновременного пребывания сразу в двух временных пространствах есть свое преимущество: объемность переживания. Поэта «жалит» невозможность навсегда вернуться в прошлое: мы выросли и стали в стране детства невозвращенцами, которых, как персон нон грата, туда надолго не пускают. И только поэзия способна вернуть человеку утраченное душевное равновесие, возвратив его на мгновение в обетованную страну...

И капает с ресниц расплавленное сердце.

И можно дальше жить...

Но умерев чуть-чуть...

Вспоминается Фет: «Я в жизни обмирал — и чувство это знаю». В лирике Владимира Таблера ощущается преемственность — отголоски мыслей наших классиков. Но переживания эти он испытал сам. Ибо Поэзия — не «вычитывается», она — проживается.

КРОВОПУСКАНИЕ – КАК БЕГСТВО ОТ ТОЛСТОКОЖЕСТИ

В прежние времена врачи пускали кровь своим пациентам («отворяли жилы»), что как бы являлось спасительным средством от всех болезней. Герой Владимира Таблера сам пускает себе кровь — чтобы через искусственную боль вернуть себе ощущение полноты жизни, притупленное бытом.

*Поранюсь, порежусь
о сонный осот,
о раннюю свежесть,
о сини высот,
о сирый осинник,
о крылышки птах.
И вовсе не сильно,
но больно-то как...*

Потрясающее стихотворение! Аллюзии из Мандельштама (жимолость, жалость) только увеличивают силу этого таблеровского стиха: поэт, имеющий свой – неповторимый – голос доподлинно знает, как использовать находки знаменитых предшественников.

Мы слышим все то же до боли знакомое по другим стихотворениям Володи ощущение вселенской виноватости — перед собой, судьбой, миром, поэзией...

Причем у Таблера это всегда «пассивная» вина — «что-то не сделал важное и нужное».

Впору говорить о душевном и духовном подвиге поэта — он берет на себя горечь несовершенного мира, примеряет на себя его стигматы. Но так было

не всегда... Может быть, и не было в жизни Владимира того маленького эшафота, который воззвал к слову и славе многих больших писателей. Возможно, недовольство собственной жизнью, накапливаясь, произвело тот энергетический взрыв, который стал предтечей второго пришествия Владимира Таблера в мир поэзии (с 1984 до 2002 года Таблер стихов не писал – ред.). Как будто «бесцельно прожитые годы» вытолкнули его со второй космической скоростью на новую поэтическую орбиту. Так или иначе, после длительного перерыва в творчестве, с выходом в литературное Интернет-пространство, Таблер словно бы обретает второе дыхание, а его стихи — искусственную завершенность Мастера.

Стихотворение Владимира Таблера «Поранюсь, порежусь» начинается как «рыбацкое» стихотворение, когда герой ранним утром выезжает на природу побыть в безмолвии наедине с собой. Не знаю, может быть, поэт и взаправду невзначай порезался прибрежными камышами — что и дало начало стихотворению. Но это не так важно: намерение в поэзии и есть действие! Причем героя ранят чисто природные предметы — никакого насилия над собой! Это не стекло, разбитое пьяными хулиганами и выброшенное в речку. Это возвращение человека к природе. И боль здесь — индикатор новообретенной способности остро чувствовать жизнь. / О воды, о стрелы, / о хвою в бору / поранюсь, порежусь... / запомню... замру.../ «Быть живым», в понимании Владимира Таблера, — значит уметь чувствовать боль. Если тебя ничего не ранит, в широком смысле слова, может быть, ты и не живешь.

Такой вот «Таблер о рангах»...

Поэт тянется к настоящему, сражается за него с собственной косностью, с доминантой материального мира. Он предпочитает гореть, а не «жить-поживать, да добра наживать». Поскольку накопление скарба заставляет человека скорбеть.

...Мое знакомство с Владимиром Таблером в Сети началось, когда он неожиданно похвалил мои песни «Поговори со мной, трава» и «Сирано де Бержерак». Тогда я ещё не знал, что Володя сам часто берет в руки гитару. А потом я вдруг наткнулся на одном из сайтов на его «Прощёное воскресенье». И тогда я сам «заболел» творчеством этого незаурядного поэта всерьез и надолго.

ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ДЕРЗНОВЕНИЕ

Главным достоинством стихотворения Таблера «Прощёное воскресенье» является, на мой взгляд, то, что оно дерзновенно в философско-религиозном смысле. И в этом — его новизна в русской поэзии.

И еще: я не припомню другого такого стихотворения, где бы ирония самоуничтожалась на пространстве стихотворения и перетекала в серьезный — философский — разговор.

Стихотворение построено на свифтовской идее сопоставления макромира с микромиром.

Поэт сознает, что любая градация миров относительна: на любой макромир всегда найдутся миры еще более «макро». Таблеровский Гулливер — человек, лирический герой стихотворения, который неожиданно для себя самого оказывается решительным гуманистом. И, возможно, гуманистом

«избыточным». К несомненным достоинствам стихотворения следует отнести также то, что его можно воспринимать с разной степенью серьезности. При этом нам совершенно не важно, насколько серьезен был сам автор в момент писания текста. Стихотворение Владимира Таблера очень ярко демонстрирует нам сущность такого философского течения, как релятивизм: червячок, муравей или букашка столь же ничтожны перед человеком, как человек ничтожен перед Богом.

Непонятно лишь, в свете вышеперечисленного, кто же тогда является «венцом творенья»?

Человек так странно устроен, что может несколько суток переживать, случайно раздавив божью коровку. А может спокойно спать, расстреляв с десяток неповинных людей. В ком-то очень сильно ощущение собственной вины, даже по пустякам, до возникновения фобий, комплексов по этому поводу. А кто-то, наоборот, спокоен, как удав, что бы ни творил. Что же от чего зависит — психика человека от его совести, или наоборот — совесть от психики?

«Революционность» мышления Владимира Таблера проявилась еще и в том, что «прощеное воскресенье» задумывалось изначально как некое действие сугубо между людьми и вовсе не предполагало покаяний за человеческие преступления перед животными и насекомыми.

Наверное, писателю такое говорить не следует, но, поскольку по степени личного дерзновения я Владимиру Таблеру уступать не хочу, позволю себе заметить, что, может быть, лучше спокойно спать, расстреляв много неповинных людей. Если, конечно, это произошло на войне, и убиенные были «живой

силой противника». Потому как канитель по поводу безвинно растерзанных червячков и букашек, прямо скажем, мало героична, хотя и великодушна. И потом: маловероятно, чтобы человек в зрелом возрасте был настолько невинен, что уничтожение муравьев стало его наибольшим преступлением, самым грязным проступком всей жизни. Ну не могу я в это поверить! А значит – автор с нами просто лукавит, и, по-видимому, пребывает от своего лукавства в самом замечательном расположении духа.

Вот так я и думал, пока не понял, что жалость к малым мира сего — очень характерная черта детского сознания. Ребенку действительно страшно, что он задавил муху или комара. Не потому, что комар выполняет великую и благородную миссию в природе. Как раз наоборот: комар — обыкновенный маленький вампир, имя им легион. Но он, к несчастью, — живое существо. Страшно лишать другого жизни, кем бы он ни был!

И Владимир Таблер успешно прививает своему герою элементы детского сознания. Ведь, в сущности, все мы — немножко дети...

*Я виноват в убийстве муравьев.
Из-за несоразмерности огромной
я их давлю с привычкой многотонной,
не замечая гибнущих миров.*

Похоже, инопланетян, которые прилетают к нам на летающих тарелках, совершенно не беспокоит тот факт, что электромагнитное излучение их межпланетных кораблей крайне вредно для здоровья человека. Так же, как человек не замечает копошащихся под его подошвами муравьев, пришельцы могут быть совершенно равнодушными к нашим проблемам, возникающим от близкого соприкосновения с ними.

И это, на мой взгляд, нормально: фокус внимания не может быть бесконечно широким. Каждый, независимо от места в небесной иерархии, как правило, всецело сосредоточен на своих конкретных задачах. Кроме, может быть, детей, умеющих раздвигать это «своё» Я до не мыслимых взрослыми размеров.

Далее поэт пишет, что он виноват и как писатель. Смятение умов и сердец, передаваемое по цепочке от человека к человеку, нарастает и может вылиться в нечто совершенно непредсказуемое! «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — писал Тютчев. Вспомним, сколько людей обвиняли в участившихся самоубийствах... писателя Гёте, создавшего магический образ Вертера! Абсурд? Абсурд! И Владимир Таблер священнодействует в своём авторском театре абсурда. И, пожалуй, самое страшное в этом стихотворении — то, что совершенно непонятно, где заканчивается абсурд и начинается реальное преступление.

Поэт убежден: из этих мини-виновностей, зачастую почти виртуальных, в конце концов, и рождается пилатчина.

«Как твои руки, братец мой Пилат?»

Мы катим бочку на Понтия Пилата, обвиняя его во всевозможных смертных грехах, но при этом сами, в сущности, мало чем от него отличаемся. Поэт называет Пилата «братец мой», что звучит как утонченная издёвка по отношению ко всему человечеству.

Стихотворение о растерзанных Божьих тварях было бы просто хорошим опусом, не более того, если бы к поэту не пришло «второе дыхание». Назовём это модуляцией, по аналогии с музыкой. В литературе

такое повышение тональности представляет собой резкий перевод разговора в иную плоскость. В свое время очень хорошо владел этим приемом Евгений Евтушенко.

*Господь, что ты затеял надо мной?
Зачем в вину уводишь, словно в топи?
Скажи, Господь, коль я — твое подобье,
как сам с такой справляешься виной?*

Что ж, попытаюсь, да простят меня читатели, ответить за Господа. Ему, в отличие от человека, не свойственно детское сознание. Он может позволить себе не переживать по поводу гибели людей.

Жизнь — вообще штука опасная, сопряженная с риском. Так сказать, экстремальный вид бытия. Естественный отбор, по Дарвину, на самом деле жутко не естествен: выживают не сильнейшие, а самые удачливые. Казалось бы, как можно погибнуть, проживая в тихой деревушке? Но многодетным родителям некогда следить за своими чадами. Пошел искупаться — утонул. Упал с лошади — сломал позвоночник. И т. д. И никакой Господь не станет отслеживать и предупреждать несчастные случаи. Он — математик. Ему это не важно. Господь не озабочен отдельными индивидуумами, даже если это — гении, с человеческой точки зрения.

*Не отвечай. Я для ответа мал.
И становлюсь все меньше, убываю...
Прости меня! Молю и уповаю,
чтоб ты, Господь, ответа не давал...*

Блестящая концовка стихотворения! Конечно же, фраза «Господь создал человека по своему образу и подобию» таит в себе подвох. Родство образов и подо-

бий еще не означает, что Господь и мыслит аналогично человеку. Более того, я уверен, что Божественное понятие о справедливости может очень сильно расходиться с человеческим. И может оказаться страшным для сознания человека. И человек просит прощения у Господа за то, что залез не в свою епархию.

Благо, день для этого вполне подходящий — Прощеное Воскресение.

ОСЕННЯЯ КОСМОГОНИЯ

Временами на лирика Таблера накатывало дерзновение, и тогда он писал такие стихи:

*Вот что я, убогий, думать смею —
и о том поведаю тебе, —
землю Бог придумал перед смертью.
Он ее придумал в октябре.*

Даже на фоне совсем не тривиальных стихотворений Владимира Таблера, это его сочинение, которое я озаглавил бы просто «Осень», а может быть, наоборот — «Реквием», а может быть, просто «В октябре», выделяется своей необыкновенной авторской дерзновенностью. Некоторые животные и рыбы жертвуют собой, чтобы родить потомство, по своему образу и подобию. Вот Владимир Таблер и допустил: нечто подобное вполне могло произойти и с самим Господом. Как однажды едко пошутил Шекспир, «мавр свое дело сделал, мавр может уйти». Эзотерически это хорошо согласуется и с концепцией «волшебника, который выпустил из-под контроля им же созданный мир».

*Чтобы в этом гибнущем чертоге,
в этом шелушенье золотом,
человеки думали о Боге,
и смотрели на небо притом.*

Володя обладал «двойным», а то и «тройным» зрением, смотрел на мир в оба, «за себя и за того парня». Поэтому его панорама получается объемной, герой смотрит на мир и глазами человека, и глазами не-человека, откуда-то сверху. В этом стихотворении он придает Богу некий «умысел», проистекающий от избытка знания. И действительно, если мы допустим, что Господь всезнающ и вполне осведомлен о своем бессмертии, многие Его поступки могут подвергнуться совершенно иной трактовке.

*Чтоб слеза им зрение травила,
как родник — на капавшая нефть,
когда стаи птиц непоправимо
из небес вытягивают нерв.*

Сострадание заранее заложено в смету проекта! Как странно способна изгибаться и вывертываться человеческая мысль! Впрочем, если Бог — шахматист, он действительно должен, по идее, провидеть будущее! Хотя бы на пару шагов вперед! Правда, Он не обязан хотеть туда заглядывать. Рифмы и образы Таблера изумительны; стихи написаны с отчаяньем человека, который осмелился поставить себя на место Бога, и, ужаленный невозможной мыслью, отскочил. Владимир, подобно библейскому Иову, ропщет и не чувствует себя виноватым в этой трагической осенней мистерии, которая разыгрывается прямо перед его глазами.

*Чтобы рвали души эти люди,
глядя на безумный листопад,
на его стекающие слюны
меж зубов-балясин балюстрад.*

Несколько спорных образов не снижают накал повествования. Но уже ловишь себя на мысли, что это — чисто авторское переживание Таблером осени, спровоцированное, может быть, предчувствием скорого ухода из мира, самоидентификацией своего «Я» с доктриной о Боге. Наверное, Пушкин или Шевчук написали бы об осени иначе! Но у каждого — своя осень, хотя она вроде бы одна на всех, общая.

*Чтобы знали — кончиться придется
(не придумать им от горя зонт),
вот и охладившееся солнце
падает, как лист, за горизонт...*

Как мы видим, в авторской мифологии Владимира Таблера Бог тоже жертвует собой во имя людей. Различается только отношение лирического героя к жертвоприношению Господа.

*Бог с кончиной всех провел, как шулер,
помирать-то Богу не к лицу...
А октябрь по-прежнему бушует,
словно скорбь по мертвому творцу.*

И вот это картежно-бранное «шулер» опять-таки заставляет вспомнить о библейском Иове, который ругал Господа своего самыми последними словами и при этом ничего не боялся. «Хуже уже по любому не будет, — думал Иов. — Потому что хуже просто не может быть». И почему-то веришь, что молиться и ругаться иногда можно одновременно. Человеку кажется, что Бог к нему несправедлив. И, как результат, человек становится несправедлив к Богу.

В стихотворении Владимира Таблера герой вызывающе несправедлив к своему Господу. Не потому, что он — Фома неверующий. Он просто «запамятовал», что в других регионах планеты октябрь — совсем другой, и ничем не родствен умиранью. Но нашему поэту это не важно. Ему важно собственное лирическое переживание. Здесь и сейчас, а не где-то там, в далекой Африке. Таблер переживает осеннюю агонию всего живого как предвестие собственной гибели. И это, вкупе с хулой по адресу Господа, производит на читателя просто шокирующее впечатление. И, мне кажется, реальная смерть Володи ничего не прибавила к стихотворению и ничего от него не убавила. Потому как поэт имеет право на слово, даже не подтвержденное жизнью. Хотя «аз воздам», на мой взгляд, всегда следствие по отношению к «мне отмщение», а не наоборот...

В стихотворении «Вот что я, убогий, думать смею» поэт выразил крайнюю, депрессивную степень осеннего пессимизма. Очень важно подчеркнуть, что Владимир Таблер под «Богом» не имеет в виду Христа, Будду или кого-то вообще из «официальных лиц» религиозных конфессий. Поэтому стихотворение, конечно же, не носит богоборческий или антиклерикальный характер. Бог-творец Таблера безымянен, Он — космогоничен; вместе с тем это, несомненно, бог-демиург, сотворивший землю и все живое. В этом сакральном акте Он, конечно же, выложил на все сто и сделал все, что мог! После чего, вне всякого сомнения, оставалось только уйти — в иную жизнь или иную профессию. Пожинать плоды своего творчества и ностальгировать, лежа на печи — это, конечно же, не дело для Творца!

Последние открытия биологов показали, что во все живые организмы Творцом заложена генетическая программа самоубийства клеток.

Существует гипотеза, что земная жизнь ограничена по времени нарочно, и цель ее — освободить жизненное пространство для новых поколений живущих. А также — достичь максимального разнообразия внутри вида. И, с этой точки зрения, данное стихотворение Владимира Таблера обретает еще одно измерение.

И все-таки Бог жив! Потому что после октября, уже в новой жизни, обязательно наступит март, а за ним — апрель, а за апрелем — май! Бог воскрес!

Олег Смагин

ПАМЯТИ ПОЭТА

В.Т.

...не верь...

...не бойся...

...не проси...

Воланд

Я боюсь опоздать.
За неделю до лета,
По-птичьи,
Улетаю. Надеюсь, в иные края.
На таможне пожитки.
Возьми мой билет,
Пограничник,
И не хмурься, сверяя бумаги,
Поверь – это я.

Вы простите, друзья –
Не зову
На свое новоселье.
С каждым днем между нами
Все уже и мельче межа.
Мы могли горевать,
Мы молиться
Как надо – умели –
Разноцветные луковки
В теплую землю сажать.

Замер дальний, уже не родной
Перезвон колоколен
И счастливый билет –
Лучик летнего света в горсти,
Завтра будет тепло.
Завтра будет светло и спокойно.
Тот, кому это важно,
Меня непременно
Простит.

Евгений Орлов

ВОВКЕ

тебе б вернуться
пнуть кота в прихожей
налить мне стопку и себе налить
пообещать набить орлову рожу
и наконец-то все-таки набить
потом гундеть уныло и недолго
про то что путь не есть из праха в прах...
к несчастью невозможны самоволки
в твоих почти космических войсках

Олег Калининков

ТАБЛЕРУ

в собирательстве камней
очерёдность толка
непреложна, и легка
на помин души.
от большого взрыва спин
твоего осколка
не искал иного сердца –
вынь да положи!
и хватило в этот мир
одного привода,
чтоб до высшей меры им
заварить кутью –
тем, кто трогал, не смутя,
озеро за воду
между третьим часом
и пятью.

Олег Горшков

ВОЛОДЕ ТАБЛЕРУ

Когда того потребовали даты
был осенью захвачен городок.

В. Таблер

Ордою оголтелой мчатся даты.
Прощаешь, молишь, терпишь – всё тщета.
Не то запропастился он куда-то,
не то напутал что-нибудь в счетах,
наш пастырь милосердный. Не дано мне
проникнуть в ускользающую суть
его любви. Как жжется на ладони
упавший майский лист! И не вдохнуть,
не выдохнуть, не вымолвить ни слова.
Застыл в глазах чудовищный вопрос,
и губ не разлепить в молитве, словно
мой рот каким-то мхом густым порос.
И я молчу – довольно скорбной пищи
для немоты. Лишь ветер-рифмоплет
зашепчет мне: "тем, кто светлей и чище
смерть никогда отсрочек не дает".
И в шепоте его сквозит усталость...
Ещё один журавль от равнин
родимых отлетел... Те, кто остались,
с ним только в одиночестве равны...

Eironeia

ПАМЯТИ ВОЛОДИ ТАБЛЕРА

Вопреки глаголам, более нет наклонений
о тебе и к тебе говорить – но
лангольеры должны быть (пусть всего на одно)
обмануты, а иначе – зачем же стихотворенье?
Дело за многим – найти лазейку,
узкоколейку, окольный путь:
ястого возгласа, ртутного, не вдохнуть.
Ты кажешься светлым голубем,
взлетающим над собой.
Ангелом, не отражая свет...
Бодрым облаком,
обогнавшим свой след земной.
Летним ветром над рябью озерных лет.
Если любим, вошед: в нЕболь, мой бог гобоя,
разве возьмусь понять, смерть – это что такое?

Сергей Шестаков

IN MEMORIAM V.T.

Исчезнут звуки, синие глаза
К утру сольются с васильками луга,
Небесные лазурь и бирюза
Полнее станут, но посредством слуха
И зрения не различить уже
Примет сиротства брошенной душе.
Что это тело, если без вранья? –
Уток, приставка, даже не основа,
А вечность будет всякому своя –
Пять без пяти, двенадцать, полвосьмого,
И, может, встреча ожидает нас
Лишь с теми, кто в такой же призван час.
Шут задремал, рыбак забросил сеть,
Пусть сонник лжёт, но каждому – по вере,
Проходит жизнь, за ней проходит смерть,
И вот иное открывает двери,
А шмель гудит, и клёны высоки,
И всё синее в небе васильки.

Владимир Васильев-Люлин

ТАБЛЕРУ...

Но тоже стану вечен и безлик,
и буду жить в терновнике и дреке,
и вместе с вами шевелить тростник
и завивать поземку на дороге...

Владимир Таблер

Кто стучится, тому откроют –
лязгнет врат небесных затвор
и поставят нас общим строем
прямо к Богу на разговор.
Бог не фраер – он в целом в теме,
(так земная гласит молва)
но особенно любит с теми,
кто при жизни играл в слова.
А у Бога о рангах табель –
в ней блатных и случайных нет:
взгляд поднимет – Который Таблер?
Ну, давай, заходи ко мне.
Ты мне спой, как всегда – негромко,
Сокровенно спой, для души
Эту вот, где кружит позёмка
И где шепчутся камыши.
Подопрёт рукой подбородок –
Всё ж не зря я тогда, не зря
Чмокнул в темя тебя при родах...
И достанет два стопаря.
По-простецки так булькнет ёмкость
(Бог с устатку и сам грешит)
И пойдёт по земле позёмка,
И зашепчутся камыши.

Сева Гуревич

ПАМЯТИ ВОЛОДИ ТАБЛЕРА

1.

Нет, не плохо – непоправимо паршиво,
Пепел – в сердце, память тоскливо бредит.
Мысли, слова... Смертельное – след порыва,
Срыва. И всё, и ветер, что вновь приветил.
Как они так смогли – напивавшись силой,
Верой, опытом шишек за взвод небитых,
Шармом, безверьем?.. Что же их так скосило?
Всё – исчезает? Тени? Следы? Обиды?
Прахом да тленом – может ли быть иначе...
Несправедлив докучный закон природы:
Скоком, путём-скактёркой, прыгает мячик
И поимённо, рефреном, рифмует годы.

2.

У смерти нету выходных,
Ты с ней ушёл наверняка подальше,
Чем в Англию.
Хоть и остался ближе.
Нам остаётся – что?
Плести узоры фальши
Из тех же слов,
Из тех же фраз и дней,
И твой же воздух
Пить губами
Вровень
С безвыходностью...
«До свиданья, Таблер!»

3.

Не запомнит воздух движения наших тел,
Зеркала, да и память чужая, тоже не в счёт,
Даже книги, чей запах к лету осточертел,
Даже те, чьих автор: титул порой не врёт.
В мимолётности дней и дел, и, конечно, слов
Есть и другой успех, вот и спешим смешить,
Смежную жизнь нежно зовём: «Любовь!»,
Только готовы смертью её сменить...
Титул, не титул, и сам корешок не врёт
Книги чудной, что писана и про Вас:
Порознь, каждого, ждёт судьба у ворот...
Воздух, беспмятством – перекрывая, спас.

4.

Ни к чему это было всё: и приезд, и встреча,
Потому как нельзя в минувшее вдеть петельку,
Да и выдернуть прямо в сейчас,
в сегодняшний вечер...
Лишь напиться, как ныне и присно,
вовеки – в стельку.
Не напился.
И был разговор обо всём неспешный.
Поутру, похмелившись, поехали. Лес. И взгорье.
А на кладбище Вовка Таблер
нас ждал надеждой:
«Вот приедут. Нальют.
Мне – в радость, и им – не в горе?».

Герман Власов

ПАМЯТИ ВОЛОДИ ТАБЛЕРА

ничего не делать слушать
слышишь как скрипит
ствол большой засохшей груши
словно просит пить
трется о другую ветку
говорит мне я
новую придумал клетку
клетку для жилья
я теперь невольный танец
с ветром ветерком
безымянный иностранец
я ребенок в ком
нет кружений и парений
выпрямлен маршрут
и меня кусты сирени
под руки ведут

Алексей Королев

NEMARUMAS

Памяти В. Таблера

Вова таблер зачем ты умер
  просто взял и вспорхнул с кровати
кто тебя на то надоумил
  кто тебя отсюда спровадил
мы тебя и в вильне искали
  и в биржае и в друскининкае
в новой спальне в старой палатке
  на холодном море в паланге
ты исчез как будто исчез ты
  может стал невидим уже ты
среди выводка черствой чести
  продолжаешь свои сюжеты
ты учился на инженера
  ты не выпросил на министра
что до мира там так же серо
  мир несколько не изменился
а чего бы тебе хотелось
  кто при кэше а кто при кашле
вечно мудрствующая серость
  вечно пьющие старикашки
и над ними всеми подняться
  повезло же тебе литовец
от фонетики от финансов
  отошел отдышался то есть
не из гроба со дна ущелья
  смотришь ты как силюсь соврать я
как несут тебе посвященья
  неудачливые собратья

кто из них про свое-здорово
  кто про страхи а кто про страсти
а тебе открыта дорога
  в непонятном легком пространстве
где-то там за собачьим лаем
  за обыденным преступленьем
царство царств куда мы желаем
  а на деле тебя жалеем
я который живет испугом
  то по снам идет то по ливням
пусть литва тебе будет пухом
  говорю сухим тополиным
воротись листвою на вербе
  соловьём обернись трескучим
вова таблер ты был мгновенье
  для мгновенья мир этот скучен
нам не выйти из двадцать второго
  на часах наших все суббота
а тебе открыта дорога
  в затажные объятья бога
не мечтал ты даже не думал
  прикоснуться к его громаде
вова таблер зачем ты умер
  просто взял и вспорхнул с кровати
чтоб пылать в смычках оркестровых
  прятаться за отцветшим садом
чтобы в частых снах-катастрофах
  мы мечтали о том же самом

Андрей Линкимас

ВОЛОДЯ...

Памяти Володи Таблера

Мы навсегда озарены
той самой стороной луны –
невидимой и непослушной,
не подхалимскою, не ушлой,
не склонной к бою барабанов
и звону труб
неисчислимых балаганов
наёмных трупп...
Пусть метеоры, словно гунны,
плодят без устали лакуны,
но не сдаются валуны,
и хватит славы и фортуны
обратной стороне луны...

Евгений Орлов

ПИСЬМО ДРУГУ

Вовка, здравствуй! В том смысле, что будь здоров. Мы с тобой не прощались, а значит, уже не простимся. Я не верю в загробную жизнь и не верю в любовь – но ты знаешь, что это не вера, а жизненный принцип.

Мы не встретимся больше, поскольку нет встреч и разлук. То ли ты есть во мне, то ли я в тебя врос – суть не в этом. Никого не покинул единственно преданный друг, никогда не считавший себя гениальным поэтом.

Будь здоров и не кашляй, в том смысле, что жизнь коротка, но и смерть коротка: то и это – сплошная химера.

Мы стоим у реки. Переправы не знает река.

Я не верю в загробную жизнь. Да и это не вера.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Орлов. Обыкновенное чудо</i>	
Вовы Таблера.....	5

ПО КОНЧИКАМ ВЕРБ

«Голоса за дверью – мама, папа, сестры....».....	9
Март.....	10
«Весна наступила!».....	11
Прощеное воскресенье	13
«Ты не корми меня этой лапшой ...».....	15
Санта-Грусть.....	17
«А как раньше было все...»	18
«Эту книжечку прочтя...».....	19
«Высоцкий не споеет...».....	20
После шторма	24
«Он утопил в грязи сапог...».....	25
Романс.....	26
Песня Мишке на день рождения.....	27
Паланга-блюз.....	28
Паланга-блюз № 2	29
Женщина.....	30
«Обмануло время...»	31
Let it be	32

ПЛАЧУЩЕЕ ДЕРЕВО

Виолончель.....	35
Плачущее дерево.....	37
«То ль с устатку рюмашку...».....	39
«Поранюсь, порежусь...».....	40
«Прощай...».....	42
Песенка для Светланы.....	43
Май.....	44
Маэстро, вальс!.....	45
Математика.....	46
«Любимая, какая ночь сегодня...».....	47
«Все убого, напрасно, нелепо...».....	48
«Суета сует...».....	49
Первый снег.....	50

ЗАВТРА

Завтра.....	53
«Когда того потребовали даты...».....	55
«У причала в ночной кафешке...».....	57
«Я узнал тебя по шевеленью...».....	58
Осень.....	60
Перед грозой.....	63
Август.....	65
«Хочешь – я буду рукой...».....	67
«Пусто, пусто в мире...».....	68
«Я хотел бы родиться у теплого моря...».....	69
«Ночь тиха, как забвеньё...».....	71
«Суметь бы, суметь всё допить и допеть...».....	72

МОЛИТВА

Молитва.....	75
«Когда уносит осень птиц...».....	76
«Упала температура...».....	77
Человек	78
«Не ной, мое сердце...».....	80
В сентябре.....	81
Текла Швянтойи.....	83
«Помилуй, Боже, и спаси...».....	85
«Июль. Жара. Не продохнуть...».....	86
Послесловие.....	87
«Послушай-ка, ностальгия...».....	88
«Я спокоен, я спокоен...»	90
«Хлещет дождь на Укаяли...».....	91
«Спасибо тебе, любовь...».....	92

КОГДА ОГЛЯНЕШЬСЯ...

«Зима пришла так вдруг, так сразу...».....	95
«Одиноко мне в толпе...».....	96
«Возвратиться мне бы...».....	97
«Снег идет, валит, валит...».....	98
«Память спутала, смешала...».....	101
«А вот и дождь как раз...».....	102
«Ветер свеж – ему бы дуть по морю...».....	104
«Упрошу, умолю...».....	105
«В головенке дума...».....	106
«Была предутренняя тишь...».....	107

Концерт для гобоя и струнных	
А. Марчелло. Адажио.....	108
«Промозглой серостью томя...».....	110

А ДАЛЬШЕ ЧТО?

Сентябрь в деревне.....	113
Песня пешки.....	114
«Мое шапито, шапито, шапито...».....	115
«А дальше что? А дальше...».....	117
«...Все шло, прямоходящий малый...».....	118
«На столе в саду забыли чашку...».....	119
«И кто ты, человеке? Верх творенья?..»	120
Из такси – «Н'экзистей па» Джо Дассена.....	121
«Октябрь разошелся – шумит, ревет...».....	122
«Стужа мучила, а теперь...».....	124
«Благодарю твой промысел, Создатель!»	126
«...А под мокрою радугой...».....	127

ТОЛЬКО ДОРОГА

«Постарел твой, мама, пострел...».....	131
Бессонница.....	132
Плацкарт.....	134
«Как возьму я невод...».....	136
Ветла.....	139
Карусель.....	141
Романс (2). Драконий дождь.....	143
«Далекое соло сакса...».....	144
«Я знаю, что скоро помру...».....	146
Песня о кукушке.....	148
Бега.....	149
«А давай все начнем сначала...».....	151
«Только дорога, только...».....	152

ЛИВЕНЬ СЛЕПОЙ

«Доказывай всем, доказывай...».....	155
Считалочка.....	156
Спас.....	157
«Ходить и щуриться на свет...».....	159
«...Потому что осень...».....	160
Журавли.....	161
«...И больше нам не быть вдвоем...».....	163

Песня мима.....	164
«Будто все окончено...».....	166
«Пропадай, зеленый цвет...».....	167
«Ливень случился слепой...».....	168

К ТОЙ РЕКЕ

«Осень в городе моем...».....	171
«И направо лень, и налево лень...».....	172
Тетя Тоня.....	173
«Это будет о том сочиненье...».....	175
«Ведь это точно когда-то было...».....	177
Черный аист.....	179
«Будто долго плыл...».....	181
«Стужа была – опричь ее...».....	182
«Ты не верь, что из праха – в прах...».....	183
«А над Нерингою гуси летят...».....	184

СИМ СООБЩАЮ...

«Итак, ты выжил после детских драк...».....	187
«...На пруду кораблик...».....	188
«Дорога когда-то была рекой...».....	189
«В эти дни спокойно и дождливо...».....	191
«Сим сообщаю...».....	192
«Улягусь и выдохну этот день...».....	194
«Октябрь. И вроде, все понятно...».....	195
«Жизнь была — овраг...».....	196
«Я от гриппа прилежно лечусь...».....	197
Сказка старого двора.....	199

МНЕ ПОМНИТСЯ ТЕПЛО

«Утро промозглое. Окна в испарине...».....	203
«Был март?.. Мне помнится тепло...».....	204
«День пришел, дождем шипя...»	205
«Апрельский туман – вороха меховые...»...206	206
«Веселимся на пиру...».....	207
«Тут не заладилось, там не пошло...».....	208
«Как гуляли мы с дождиком...».....	209
«Петька или Леха, а не то Иван...».....	211
«Мы с дружкой хмельные оба...».....	213
«Брошу монету в море...».....	214

ЦВЕТНАЯ ЛОЖЬ

«Люблю тебя...».....	217
«А после карнавала...».....	219
«Мы станем птицами, я верую...».....	220
«Вечер. Тракай, а закат – токай...».....	221
«Где эти комнаты, где проживало счастье?».....	222
«Сириус, Сириус, Пес Большой...».....	223
«После дождей разнообразных...».....	224
«Робкий свет зари повис...».....	225
«Прав ли твой инквизитор...».....	226
«Наверное, пора бы о душе...».....	227

СТИХИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ЦИКЛЫ...

Люблю тебя.....	228
«Что виделось зернам...».....	230
«В том дворе, в том дворе...».....	231
«Клава была пьнчужкой...».....	232

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН. Стихи, не вошедшие в книгу «Когда оглянешься»

«Через сады вел путь...».....	237
Лотосы	239
«Товарищ мой, товарищ...».....	240
Хроника одних суток.....	242
Цирк.....	243
«Качай меня, отчаянье.....».....	245
Цыганочка.....	246
«Какая весна приключилась тогда...».....	248
«Бурлила магма, колыхалась...».....	249
«Ты – в стране, где свет, а мне...».....	251
«Хоть сном, хоть духом...».....	252
Одной знакомой.....	253
«Я остров открою и Трою отрою...».....	254

СТИХИ И ПОСВЯЩЕНИЯ ДРУЗЕЙ ПОЭТА

<i>Александр Брятов. Поскорей выходи счастью обучаться, или Раздумья над стихами Владимира Таблера.....</i>	257
---	-----

<i>Георгий Чернобровкин. Дорога</i>	
Владимира Таблера.....	266
<i>Александр Карпенко. До самых сердец.....</i>	282
<i>Олег Смагин. Памяти поэта.....</i>	301
<i>Евгений Орлов. Вовке.....</i>	302
<i>Олег Калининков. Таблеру.....</i>	303
<i>Олег Горшков. Володе Таблеру.....</i>	304
<i>Eironeia. Памяти Володи Таблера.....</i>	305
<i>Сергей Шестаков. In memoriam V.T.....</i>	306
<i>Владимир Васильев-Люлин. Таблеру.....</i>	307
<i>Сева Гуревич. Памяти Володи Таблера.....</i>	308
<i>Герман Власов. Памяти Володи Таблера.....</i>	310
<i>Алексей Королев. Nematumas.....</i>	311
<i>Андрей Линкимас. Володя.....</i>	313
<i>Евгений Орлов. Письмо другу.....</i>	314

**В литературной серии «Книжная Полка Поэта»
в 2015 и 2016 годах изданы поэтические сборники:**

Михаил ДЫНКИН. «Мы умерли сто лет тому вперед»
Александр ГАБРИЭЛЬ. «По прозванию человеки»
Сева ГУРЕВИЧ. «Дневниковые записи»
Александр СПАРБЕР. «Трава-вода»
Владимир ГУТКОВСКИЙ. «Жизнь рассчитана с запасом»
Александр КУЛИКОВ. «Соловей-ключ»
Олег БАБИНОВ. «Никто»

